

ВРАТ
МОЕГО БЫВШЕГО —
МОЙ НОВЫЙ БОСС

КСЕНИЯ СОБОЛЕВА

Ксения Соболева

**Враг моего Бывшего
- мой новый Босс**

«Литнет»

2026

Соболева К.

Враг моего Бывшего - мой новый Босс / К. Соболева —
«Литнет», 2026

Двадцать лет муж называл мои идеи своими. Теперь его главный конкурент платит за них мне. После развода я осталась с хорошей квартирой, солидной компенсацией и почти пустым резюме. Компания, которую мы строили вместе, юридически принадлежит Андрею. Проекты, которые я спасала, подписаны его именем. Даже собственные дети уверены, что отец создавал бизнес, а я лишь поддерживала его дома. Единственный человек, знающий настоящую цену моего опыта, — Роман Воронцов, главный враг бывшего мужа. Он предлагает мне руководящую должность, высокую зарплату и шанс наконец работать под собственным именем. Андрей уверен, что я легла под его конкурента ради мести. Коллеги считают меня шпионкой. Сам Роман не скрывает, что моё появление должно вывести соперника из равновесия. Вот только я больше не собираюсь быть оружием в войне двух мужчин. И если мой новый босс захочет получить не только мои идеи, ему придётся доказать, что он видит во мне не собственность, не трофей и не бывшую жену своего врага.

© Соболева К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Пустое место в резюме	5
Глава 2. Цена моей работы	17
Глава 3. Жена конкурента	35
Глава 4. Чужая собственность	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Пустое место в резюме

Гостевой пропуск представлял собой белую пластиковую карточку без фотографии, на которой крупными чёрными буквами было напечатано слово «ПОСЕТИТЕЛЬ». Светлана держала её между пальцами и никак не могла заставить себя прикрепить к лацкану пальто, хотя девушка за стойкой уже дважды бросила на неё осторожный взгляд, проверяя, не забыла ли бывшая жена владельца выполнить новое правило.

Ещё месяц назад Светлана проходила через турникеты, не доставая карточку из сумки. Охранники знали её в лицо, администраторы поднимались при её появлении, а сотрудники службы эксплуатации звонили ей ночью, если на одном из объектов отключалось отопление, застревала поставка оборудования или подрядчик внезапно объявлял, что не успеет закончить работы. Теперь турникет не отреагировал на её приближение, и пожилой охранник Григорий Петрович, служивший здесь почти с самого открытия головного офиса, вынужден был попросить её обратиться на ресепшен.

— Светлана Игоревна, вы не подумайте, это система автоматически отключила старый доступ, — негромко объяснил он, избегая смотреть на белую карточку в её руке. — Я бы вас и так пропустил, конечно, но сейчас всё пишется, а у нас новый начальник безопасности каждую мелочь проверяет.

— Не оправдывайтесь, Григорий Петрович, — ответила Светлана и всё-таки закрепила пропуск на пальто. — Система работает правильно. Я здесь больше не сотрудник.

Слова прозвучали спокойнее, чем она ожидала. Охранник нахмурился, словно хотел возразить, но побоялся сказать что-то лишнее и только торопливо нажал кнопку, открывая турникет.

В холле ничего не изменилось. На стене по-прежнему висела металлическая эмблема «Лавров Девелопмент» — строгий контур высотного здания, пересечённый серебристой линией. В стеклянной витрине стояли награды, макеты завершённых жилых комплексов и фотографии с торжественных открытий, где Андрей пожимал руки губернаторам, банкирам и руководителям строительных холдингов. На нескольких снимках Светлана находилась рядом, но всегда немного позади: в светлом пальто, в вечернем платье, в строгом костюме, выбранном специально для очередной официальной церемонии.

Подписи под фотографиями называли Андрея Лаврова основателем и генеральным директором компании. Светлана нигде не упоминалась, хотя именно она договаривалась с рассерженными собственниками старых гаражей перед строительством «Ясного берега», убеждала банк не останавливать финансирование «Речного квартала» и за две недели находила нового поставщика лифтов, когда прежний оказался на грани банкротства.

Раньше отсутствие её фамилии не казалось несправедливостью. На церемониях Андрей неизменно находил её взглядом, поднимал бокал и после официальной речи тихо говорил, что без неё ничего бы не получилось. Светлане этого хватало, потому что вечером они возвращались в один дом, обсуждали одни проблемы и строили планы на одни деньги.

Теперь она вдруг увидела в стеклянной витрине не общую историю, а аккуратно оформленную биографию одного человека. В ней Андрей начинал почти с нуля, рисковал, побеждал, ошибался и снова побеждал, а рядом с ним иногда появлялась элегантная женщина, функция которой сводилась к тому, чтобы улыбаться и подчёркивать его успех.

— Светлана Игоревна, доброе утро, — окликнула её администратор Ольга, выходя из-за стойки с натянутой приветливостью. — Андрей Сергеевич уже в большом зале. Он просил, чтобы вы тоже поднялись, когда будете готовы.

— Я думала сначала забрать вещи и передать архив, — сказала Светлана, снимая пальто. — Совещание ведь для руководителей подразделений.

Ольга на мгновение растерялась, словно не знала, имеет ли право обсуждать распоряжение владельца с женщиной, которая ещё недавно сама могла отменить любое совещание. Девушка осторожно поправила бейдж и понизила голос, хотя рядом никого не было.

— Андрей Сергеевич сказал, что хотел бы поблагодарить вас при всех, — пояснила она, стараясь придать словам тёплое звучание. — Сегодня представляют нового операционного директора, поэтому он решил, что будет правильно... ну, обозначить переход.

Светлана едва заметно улыбнулась. Слово «переход» оказалось удобным, чистым и почти безболезненным, как формулировка в кадровом приказе, где за увольнением человека скрывалась всего одна строчка.

— Хорошо, Оля, я поднимусь, — ответила она и протянула пальто. — Только сначала зайду в переговорную.

Ольга приняла пальто обеими руками, но взгляд её скользнул к гостевому пропуску. Светлана заметила это движение и не стала откреплять белую карточку, хотя та нелепо выделялась на серо-голубом платье, которое она выбрала для последнего визита в офис.

Небольшая переговорная рядом с кабинетом генерального директора официально называлась комнатой номер семь. В календаре её бронировали для встреч на четыре-шесть человек, но последние годы сотрудники почти всегда спрашивали у секретаря, свободна ли «комната Светланы Игоревны». Здесь стоял круглый стол, узкий шкаф для документов и старый кофейный автомат, который Светлана сама купила после того, как Андрей заявил, что не видит смысла оборудовать вторую кухню возле своего кабинета.

На двери никогда не было её имени. Иногда Светлана думала попросить повесить табличку, но каждый раз отказывалась от этой мысли, потому что официально она не занимала должность, которой полагался отдельный кабинет. К тому же Андрей любил повторять, что настоящая власть не нуждается в надписях на дверях.

В комнате уже стояли две картонные коробки. Кто-то из секретарей аккуратно сложил туда её книги, запасные туфли, упаковку обезболивающего, керамическую кружку с потёртой надписью «Лучший переговорщик» и небольшую рамку с фотографией Полины и Никиты. На подоконнике оставался фикус, переживший три переезда офиса, затопление верхнего этажа и полугодовой ремонт.

Светлана провела пальцами по плотному зелёному листу и вспомнила, как Андрей однажды смеялся, что растение, вероятно, единственное существо в компании, которое работает дольше сотрудников и не требует повышения зарплаты. Тогда она рассмеялась вместе с ним и не подумала, что сравнение могло относиться не только к фикусу.

Дверь открылась без стука, и в переговорную вошёл руководитель отдела аренды Денис Котов. Он держал планшет, на экране которого была открыта таблица, и двигался привычно быстро, словно боялся потерять мысль по дороге от собственного кабинета.

— Светлана Игоревна, хорошо, что вы ещё здесь, — произнёс он с явным облегчением и сразу положил планшет на стол. — По «Берёзовой аллее» опять проблема с аптечной сетью. Они требуют два месяца арендных каникул сверху и угрожают выйти из договора, если мы до пятницы не подтвердим дополнительный вход.

Светлана посмотрела на таблицу, не касаясь экрана. Ещё неделю назад она бы сразу спросила, готов ли технический отдел перенести часть вентиляции, сколько стоит новый вход и что аптечная сеть предложила взамен, но теперь перед ней лежала чужая рабочая проблема.

— Денис, вам нужно обратиться к новому операционному директору, — сказала она, поднимая взгляд на сотрудника. — Я больше не принимаю решения по проектам компании.

Он моргнул, словно смысл её слов дошёл до него не сразу. Затем неловко улыбнулся и отодвинул планшет на несколько сантиметров, но не забрал со стола.

— Я понимаю, конечно, просто вы с ними с самого начала договаривались, — объяснил Денис, понизив голос. — Они Андрея Сергеевича слушать не будут. Точнее, послушают, но потом всё равно начнут торговаться заново, а вы знаете, на чём их можно прижать.

— Именно поэтому вам следует передать новому директору историю переговоров, — спокойно ответила Светлана, хотя внутри болезненно отозвалось слово «знаете». — Запишите, чего они добивались изначально, какие уступки уже получили и кто у них действительно принимает решение. Не пересказывайте только последние письма, поднимите всю цепочку с момента подписания договора.

Денис быстро кивнул и потянулся к планшету, будто собирался немедленно записывать её указания. Светлана остановила его взглядом, и он виновато убрал руку.

— Это не решение, Денис, а совет на прощание, — добавила она мягче. — Дальше вы справитесь без меня.

— Конечно, Светлана Игоревна, — пробормотал он, беря планшет. — Просто неприлично. Здесь половина людей сначала шла к вам, а уже потом к Андрею Сергеевичу.

Он произнёс это без злого умысла и, кажется, даже не понял, насколько важное признание только что сделал. Светлана могла попросить повторить эту фразу при всех через десять минут, но вместо этого кивнула и пожелала ему удачи.

После его ухода дверь оставалась открытой. Мимо переговорной прошли две сотрудницы юридического отдела, замедлили шаг, увидев Светлану, и торопливо поздоровались. Одна из них несла толстую папку с наклейкой «Северный терминал», и Светлана машинально подумала, что в дополнительном соглашении наверняка снова забыли ограничить ответственность компании за чужие инженерные сети.

Она заставила себя отвернуться. Ей больше не следовало замечать подобные вещи, потому что замеченная проблема неизбежно превращалась для неё в обязанность её решить.

На столе лежала папка, которую Светлана должна была передать новому операционному директору. В ней находились краткие сведения по незавершённым конфликтам: спор с поставщиком фасадного камня, претензии жителей к выезду из «Речной гавани», задержка регистрации земельного участка под складским комплексом и переговоры с банком о переносе ковенант. Папку составляла она сама, хотя в официальном распоряжении Андрей написал, что Светлана «окажет содействие в передаче накопленных сведений».

Накопленные сведения. Не выстроенные процессы, не принятые решения, не двадцать лет работы, а сведения, которые одна женщина какое-то время хранила в голове и теперь должна была передать следующему ответственному человеку.

Телефон на столе коротко завибрировал. Сообщение прислала секретарь Андрея: «Светлана Игоревна, начинаем через пять минут. Андрей Сергеевич просит вас подойти».

Светлана закрыла коробку, взяла папку и вышла в коридор. За стеклянными перегородками сотрудники сидели перед компьютерами, отвечали на звонки и обсуждали проекты, будто этот день ничем не отличался от остальных. Она прошла мимо финансового отдела, где ещё недавно могла остановиться у любого стола и спросить, почему в отчёте изменились цифры, но теперь люди только приветствовали её осторожными кивками.

Большой зал занимал почти половину верхнего этажа. За длинным столом уже сидели руководители подразделений, несколько директоров проектов и новый мужчина, которого Светлана раньше не видела. Он выглядел лет на сорок пять, носил тёмно-синий костюм и внимательно изучал лежавший перед ним блокнот, не пытаясь сразу изобразить хозяина положения.

Андрей стоял возле экрана и разговаривал с финансовым директором. За девять месяцев раздельной жизни Светлана привыкла видеть его на встречах с юристами, в суде и в кабинете нотариуса, но здесь он снова казался тем человеком, рядом с которым она провела почти

половину жизни: уверенным, собранным, чуть нетерпеливым и совершенно естественным в пространстве, носившем его фамилию.

Он заметил Светлану, улыбнулся и показал на свободное кресло справа от себя. Раньше это место негласно принадлежало ей, хотя официально на совещаниях она могла даже не числиться среди участников.

— Проходи, Свет, мы тебя ждём, — сказал Андрей так буднично, словно вечером они должны были вместе вернуться домой. — Я хотел, чтобы ты познакомилась с Антоном Михайловичем и лично передала ему всё важное.

Светлана подошла к столу, положила папку перед новым директором и заняла предложенное место. Антон Михайлович поднялся и протянул ей руку.

— Антон Журавлёв, рад познакомиться, — представился он с уважительной сдержанностью. — Андрей Сергеевич сказал, что вы лучше всех знаете внутреннюю кухню компании.

— Внутреннюю кухню обычно знает административный персонал, — ответила Светлана, пожимая его руку. — Я занималась проблемными проектами и переговорами, которые не удавалось завершить в обычном порядке.

Антон немного помедлил, очевидно пытаясь сопоставить её слова с тем, что услышал от Андрея. Затем кивнул и открыл папку.

— Тем ценнее будет ваша помощь на переходном этапе, — произнёс он, сохраняя деловой тон. — Надеюсь, я смогу обратиться к вам, если возникнут вопросы по старым договорёностям.

— В папке указаны сотрудники, которые продолжают работать в компании и отвечают за каждое направление, — пояснила Светлана, опуская руки на стол. — Все необходимые контакты и материалы переданы им. Я больше не участвую в работе «Лавров Девелопмент».

Её ответ прозвучал жёстче, чем требовала вежливость. Антон отступил на полшага и сел, а Андрей посмотрел на Светлану с лёгким недоумением, будто она неожиданно отказалась от простой дружеской услуги.

Совещание началось с обычных цифр. Финансовый директор рассказал о выручке за квартал, руководитель строительного блока доложил о выполнении графиков, а Андрей несколько раз задал уточняющие вопросы, ответы на которые ещё недавно получал от Светланы вечером за ужином. Она слушала и замечала знакомые пробелы: слишком оптимистичный процент готовности одного объекта, отсутствие резервного сценария по поставщику и осторожно спрятанную в приложении информацию о возможном уходе арендатора.

Раньше Светлана написала бы Андрею короткое сообщение или попросила слово. Теперь она сидела молча, держа ладони на коленях, и наблюдала, как компания продолжает двигаться без неё, не замечая собственных слабых мест.

В конце отчётной части Андрей закрыл папку и поднялся. Разговоры стихли, а на экране появилась фотография Антона Журавлёва и надпись: «Операционный директор».

— Коллеги, сегодня к нашей команде официально присоединяется Антон Михайлович, — начал Андрей уверенным, хорошо поставленным голосом. — У него большой опыт управления сложными строительными и девелоперскими проектами, поэтому я рассчитываю, что он поможет нам систематизировать процессы и вывести компанию на следующий этап развития.

Светлана посмотрела на экран. Там перечислялись прежние должности Антона, реализованные под его руководством проекты и профессиональные достижения. Его биография занимала целый слайд, и каждый пункт был сформулирован точно: управлял, внедрил, сократил, завершил, обеспечил.

Андрей рассказал о полномочиях нового директора, о праве согласовывать бюджеты и принимать кадровые решения. Затем он сделал паузу и повернулся к Светлане с той мягкой улыбкой, которую обычно использовал на семейных праздниках.

— И я хотел бы отдельно поблагодарить Светлану, — произнёс он, обращаясь уже не только к руководителям, но и к ней. — Почти двадцать лет она была рядом со мной и поддерживала компанию во всех сложных ситуациях. Без надёжного семейного тыла мне было бы гораздо труднее построить то, что мы имеем сегодня.

Несколько человек за столом зааплодировали. Кто-то улыбнулся Светлане, кто-то отвёл глаза, а руководитель юридического отдела уважительно наклонил голову.

Андрей продолжал говорить о её терпении, понимании и способности сохранять спокойствие, когда работа требовала от него слишком много времени. Он назвал Светлану человеком, который помогал ему не забывать о главном, поддерживал в трудные годы и всегда верил в успех компании.

Ни одного проекта. Ни одной должности. Ни одного решения.

Светлана слушала, и перед ней словно медленно закрывали дверь, за которой оставались двадцать лет её жизни. Андрей не унижал её намеренно, не насмехался и не пытался отнять последнее. Напротив, он был уверен, что говорит красиво и благородно.

Именно поэтому возразить оказалось труднее. Если бы он назвал её бесполезной, Светлана смогла бы привести цифры, документы и свидетельства. Но Андрей благодарил её как жену, превращая всю работу в разновидность любви, которую невозможно измерить, подтвердить или вписать в резюме.

— Свет, скажешь несколько слов? — предложил он, закончив речь. — Думаю, коллегам будет важно тебя услышать.

Аплодисменты стихли. Все повернулись к Светлане, ожидая благодарности, добрых пожеланий и, вероятно, заверения, что компания навсегда останется для неё семьёй.

Она поднялась не сразу. Взгляд остановился на Антоне Журавлёве, перед которым лежала папка с её последними решениями, а на экране за его спиной всё ещё светился список официально признанных достижений.

— Я желаю Антону Михайловичу успеха, — начала Светлана, медленно обводя взглядом стол. — Компания сложная, проекты разные, а многие процессы слишком долго зависели от личных договорённостей и ручного управления. Надеюсь, новый операционный директор сможет сделать так, чтобы работа не держалась на людях, чьи полномочия нигде не закреплены.

В зале стало тихо. Андрей слегка нахмурился, но Светлана не посмотрела на него.

— Я благодарна всем, с кем работала эти годы, — продолжила она ровнее. — Мы вместе решали проблемы, сохраняли объекты и выполняли обязательства, которые иногда казались невыполнимыми. Папка с незавершёнными вопросами передана, мои консультации завершены, поэтому с сегодняшнего дня прошу обращаться к действующим руководителям.

Она села, не добавив привычного пожелания процветания. Несколько человек снова захлопали, но теперь аплодисменты звучали короче и неувереннее.

Андрей быстро вернул совещание в деловое русло. Он сообщил о новых правилах подчинения, попросил руководителей поддержать Антона и закончил встречу на пятнадцать минут раньше запланированного.

Люди начали расходиться. Некоторые подходили к Светлане, благодарили и говорили, что будут скучать, однако почти все использовали одинаковые слова: помощь, поддержка, участие. Никто не назвал её руководителем, потому что формально она им никогда не была.

Антон Журавлёв задержался возле стола. Он закрыл папку, посмотрел на Светлану и заговорил тихо, чтобы Андрей, обсуждавший что-то с финансовым директором, не услышал.

— Я, кажется, неправильно понял вашу роль, — признался Антон, сохраняя нейтральное выражение лица. — Андрей Сергеевич описывал вас как консультанта и человека, который помогал ему удерживать общую картину.

— Он описал именно ту роль, которую когда-то придумал для меня, — ответила Светлана, поднимаясь. — Вам лучше оценивать компанию не по его описаниям, а по документам и людям.

— Я уже понял, что часть документов придётся читать между строк, — заметил Антон и постучал пальцами по папке. — Здесь по каждому вопросу указано, что делать, но почти нигде не написано, кто принял первоначальное решение.

Светлана встретила с ним взглядом. В его словах не было ни жалости, ни желания понравиться бывшей жене владельца.

— Теперь решения будете принимать вы, — сказала она после короткой паузы. — Побойтесь о том, чтобы хотя бы ваши сотрудники знали, где заканчивается их совет и начинается ваша подпись.

Антон кивнул, словно запомнил не только смысл, но и интонацию. Затем поблагодарил её за папку и вышел вслед за остальными.

Андрей дождался, пока дверь закроется, и только после этого подошёл. Он держал руки в карманах брюк и смотрел на Светлану с привычной смесью раздражения и снисходительного беспокойства.

— Зачем ты так? — спросил он негромко. — Я хотел нормально тебя поблагодарить, без неловкости и семейной грязи перед людьми.

— Ты поблагодарил меня за то, что я была хорошей женой, — ответила Светлана, снимая гостевой пропуск с лацкана. — Только сегодня представляли не новую жену, Андрей. Сегодня представляли человека, который займёт должность, работу которой я выполняла много лет.

Он вздохнул и посмотрел в сторону экрана, будто пытался найти там правильную формулировку. Внешне Андрей почти не изменился за последние годы: коротко подстриженные тёмные волосы только слегка поседел на висках, костюм сидел безупречно, а усталость под глазами делала его не старше, а солиднее.

— Ты не выполняла его работу, Света, — произнёс он терпеливо. — Ты помогала мне по отдельным вопросам, потому что хорошо знала компанию и людей. Операционный директор — это ежедневное управление, ответственность перед советом, банки, отчётность, кадровые решения.

— Я вела переговоры с банками, когда ты не мог добиться продления кредитной линии, — напомнила Светлана, стараясь не повышать голос. — Я меняла руководителей проектов, хотя приказы подписывал ты. Я собирала отчётность, которую тебе приносили на подпись, и решала проблемы, о которых совет директоров даже не узнавал.

— Потому что мы были мужем и женой, — возразил Андрей, вынимая руки из карманов. — Ты могла прийти ко мне в любое время, сказать, что думаешь, и повлиять на решение. Это не то же самое, что нести официальную ответственность.

Светлана внимательно посмотрела на него. В этих словах заключалась вся их совместная жизнь, но Андрей произносил их так уверенно, будто приводил очевидный и окончательный довод.

— Ты прав, — сказала она после паузы. — Официальную ответственность всегда нёс ты. Поэтому официальные достижения тоже остались у тебя.

Андрей нахмурился сильнее. Он явно ожидал продолжения спора и не понял, почему её согласие прозвучало обвинением.

— Я никогда не запрещал тебе занять нормальную должность, — произнёс он, делая шаг ближе. — Мы это обсуждали. Ты сама говорила, что не хочешь сидеть на совещаниях, заниматься бюрократией и подчиняться формальным процедурам.

— Я говорила, что мне не нужна должность, потому что считала компанию общей, — ответила Светлана. — Мне казалось смешным требовать табличку на двери в бизнесе собственного мужа.

— А разве компания не была общей в практическом смысле? — Андрей развёл руками и посмотрел на неё почти с искренней обидой. — Ты жила в доме, который оплачивала компания. Мы путешествовали, дети учились там, где хотели, у тебя никогда не было ограничений в деньгах. После развода ты получила квартиру и компенсацию, которую сама согласовала с юристами. Я не оставил тебя ни с чем.

— Я не говорю, что ты оставил меня без денег, — ответила Светлана, чувствуя, как усталость постепенно вытесняет злость. — Я говорю, что деньги семьи и стоимость моей работы — не одно и то же.

Андрей провёл ладонью по подбородку. Этот жест появлялся у него всегда, когда собеседник отказывался принимать логичное, с его точки зрения, объяснение.

— Ты сейчас пытаешься пересчитать брак как трудовой договор, — сказал он уже холоднее. — Но так не бывает. Я тоже двадцать лет делал очень многое для семьи и не выставляю тебе счёт.

— Нет, Андрей, я пытаюсь составить резюме, — возразила Светлана, глядя ему прямо в глаза. — И внезапно выяснила, что у тебя есть двадцать лет опыта управления компанией, а у меня — семь лет работы консультантом на половину ставки.

Он замолчал. На мгновение в его лице появилось что-то похожее на понимание, но затем Андрей снова нахмурился, словно решил, что Светлана намеренно выбирает наиболее обидное толкование прошлого.

— Я могу дать тебе рекомендацию, — предложил он после паузы. — Нормальную, сильную. Напишу, что ты участвовала в ключевых переговорах, хорошо знаешь девелопмент и умеешь работать с людьми.

— Участвовала, — повторила Светлана, и слово показалось ей удивительно точным. — Спасибо. Рекомендацию пришли на почту.

Она развернулась, но Андрей коснулся её локтя. Прикосновение было коротким и привычным, однако Светлана сразу высвободила руку.

— Не превращай это в войну, Свет, — попросил он тише. — Мы и так девять месяцев потратили на развод. Я хотел, чтобы всё закончилось спокойно.

— Всё уже закончилось спокойно, — ответила она, прикрепляя гостевой пропуск обратно к платью. — Сегодня я просто забираю вещи.

В переговорной коробки казались меньше, чем утром. Светлана уложила сверху фотографию детей, закрыла крышки и попыталась поднять обе сразу, но в дверях появился Григорий Петрович с небольшой складной тележкой.

— Ольга сказала, что вам помощь понадобится, — сообщил охранник, делая вид, будто не замечает её покрасневших глаз. — Я машину со стороны служебного въезда подгоню, там ближе.

— Спасибо, Григорий Петрович, но я сама, — начала Светлана, однако он уже поставил первую коробку на тележку.

— Сами вы здесь и так слишком многое делали, — пробормотал охранник, наклоняясь за второй коробкой. — Хоть вещи дайте человеку донести.

Он не произнёс ничего больше, но именно от этой простой фразы Светлане стало труднее сохранять спокойствие. Она взяла фикус, прижала горшок к груди и вышла вслед за ним.

На парковке моросил мелкий осенний дождь. Светлана поставила растение на заднее сиденье, коробки — в багажник, поблагодарила Григория Петровича и несколько секунд стояла возле машины, глядя на верхние этажи здания.

Когда-то они с Андреем выбирали этот офис вместе. Светлана настояла на больших окнах, потому что прежнее помещение находилось на первом этаже старого административного корпуса, где даже днём приходилось включать свет. Андрей спорил из-за высокой аренды,

но потом рассказывал партнёрам, что с самого начала хотел создать открытое современное пространство.

Она села за руль и закрыла дверь. Белый гостевой пропуск всё ещё висел на платье, и Светлана сняла его только после того, как завела двигатель.

Новая квартира находилась в двадцати минутах езды от офиса, если не было пробок. Она была просторной, светлой и слишком аккуратной, потому что Светлана ещё не успела превратить её в дом. Мебель выбирал дизайнер, книги стояли ровными рядами, посуда занимала только одну полку, а в прихожей не было ни чужих ботинок, ни брошенного Никитой рюкзака, ни Андреева пальто, которое он всегда вешал мимо крючка.

Светлана внесла коробки, поставила фикус у окна и долго переставляла горшок с одного края подоконника на другой. Растению требовался свет, но ей не нравилось, как оно закрывало вид на соседний дом.

В конце концов она оставила фикус посередине, сняла платье, переделалась в домашние брюки и села за рабочий стол. На экране ноутбука оставался открытым файл «Резюме_Светлана_Лаврова_новое».

В верхней части страницы стояла фотография, сделанная два года назад для визы. Под ней были указаны возраст, образование и должность: «Консультант по специальным проектам, ООО «Лавров Девелопмент», 2019–2026».

Семь лет в одной строке.

Первые двенадцать лет работы отсутствовали вообще. Тогда Светлана официально занималась детьми и домом, хотя почти каждый день приезжала в офис, ездила на встречи и отвечала на звонки. Андрей оформил её только после того, как один из банков потребовал предоставить договоры со всеми консультантами, имевшими доступ к финансовым материалам.

Светлана поставила курсор после названия должности и начала печатать: «Фактически выполняла функции операционного директора». Затем перечитала фразу и стёрла её.

Фактически — слово, которым люди обозначали то, что невозможно доказать.

Она написала: «Руководила антикризисным управлением ключевых проектов». Вспомнила «Речную гавань», где за три месяца до ввода обнаружили проблемы с подключением к тепловым сетям. Именно Светлана собрала городских чиновников, технических специалистов и банк, убедила подрядчика взять часть расходов на себя и добилась переноса штрафных санкций.

Но официальным руководителем проекта был Андрей. В протоколах совещаний он председательствовал, итоговые письма подписывал он, а Светлана фигурировала как консультант.

Она заменила формулировку на более осторожную: «Участвовала в стабилизации проблемных проектов». Получилось честно и совершенно бессмысленно. Участвовать можно было, заказывая кофе или бронируя переговорную.

Телефон зазвонил, когда Светлана пыталась сформулировать опыт управления подрядчиками. На экране высветился московский номер, который она не сохранила, но узнала по последним цифрам. Это была рекрутер из агентства, приславшая утром предложение по вакансии директора административного блока.

— Светлана Игоревна, добрый вечер, это Юлия Воронова, агентство «Профиль», — представилась женщина бодрым, деловым голосом. — Удобно говорить? Я получила обратную связь от клиента и хотела уточнить несколько моментов по вашему опыту.

— Да, Юлия, говорите, — ответила Светлана, откидываясь на спинку кресла. — Я как раз работаю над резюме.

— Отлично. Клиенту понравился ваш опыт в девелопменте и взаимодействии с руководителями высокого уровня, но возник вопрос по полномочиям, — объяснила рекрутер, осторожно подбирая слова. — Вы указали антикризисное управление проектами, однако в откры-

тых источниках руководителем значится Андрей Лавров. Правильно ли я понимаю, что вы выступали его советником?

Светлана посмотрела на мигающий курсор. Можно было сказать правду, но правда требовала длинного объяснения о браке, доверии, неофициальных полномочиях и решениях, которые другой человек подписывал своим именем.

— Я анализировала проблемные ситуации, разрабатывала планы и координировала их исполнение, — ответила она после короткой паузы. — Официальные распоряжения действительно подписывал генеральный директор.

— То есть у вас не было прямых подчинённых? — уточнила Юлия, и в её голосе прозвучала не насмешка, а профессиональная необходимость классифицировать кандидата.

— По штатному расписанию не было, — признала Светлана. — Но руководители подразделений выполняли согласованные со мной решения.

— Согласованные с вами или с генеральным директором через вас? — спросила рекрутер ещё осторожнее. — Простите за прямоту, но для клиента это принципиальная разница.

Светлана закрыла глаза. Вопрос был справедливым, и именно поэтому причинял такую боль.

— Формально с генеральным директором, — ответила она. — На практике решения часто готовила и проводила я.

Юлия помолчала, вероятно делая пометку. Затем её голос снова стал приветливо-нейтральным.

— Я вас поняла. Тогда, возможно, должность директора административного блока действительно будет слишком резким переходом, но у клиента есть позиция руководителя офиса генерального директора. Там нужен человек с пониманием бизнеса, навыками координации и высоким уровнем доверия.

— Руководителя офиса, — повторила Светлана, глядя на строку «антикризисное управление». — То есть помощника с расширенными полномочиями.

— Скорее координатора при первом лице, — поправила Юлия и добавила чуть мягче: — Учитывая ваш опыт работы рядом с владельцем, это может стать хорошей точкой входа в самостоятельную карьеру.

Светлана почувствовала, как внутри поднимается холодная, почти бесцветная ярость. Женщина на другом конце линии не пыталась её унизить. Она видела резюме, где сорока-трёхлетняя кандидатка семь лет числилась консультантом у собственного мужа и не имела ни одного официального подчинённого.

— Благодарю за предложение, но позиция мне не подходит, — ответила Светлана, стараясь говорить вежливо. — Я больше не собираюсь строить карьеру рядом с человеком, чьи решения буду готовить без права принимать собственные.

— Понимаю, — произнесла Юлия после заминки. — Тогда я сохраню ваш профиль и свяжусь, если появится более подходящая роль.

Они попрощались, и Светлана положила телефон на стол. В квартире снова стало тихо, только холодильник едва слышно гудел на кухне, а дождь постукивал по стеклу.

Она удалила из резюме слово «руководила». Затем вернула его, выделила жёлтым и открыла папку со старыми файлами, которую скопировала ещё до окончательного ухода из компании.

В папке хранились документы, созданные задолго до корпоративных серверов и систем электронного документооборота. Часть файлов Светлана сохраняла в личном облаке, потому что в первые годы работала из дома на собственном ноутбуке. Там были коммерческие предложения, протоколы встреч, расчёты, письма и презентации с названиями, которые теперь казались почти наивными.

Она открыла файл «Ключевой_квартал_финал_новый_самый_финал». Проект стал первым крупным жилым комплексом компании и едва не погубил бизнес, когда банк отказался увеличить кредитную линию, а основной подрядчик потребовал пересмотреть цену.

Светлана помнила ту зиму до мелочей. Полине было пять лет, Никита ещё не родился, а Андрей почти не спал и возвращался домой после полуночи. Однажды он сел прямо на пол в прихожей и сказал, что через два месяца компания не сможет платить зарплату.

Светлана тогда не знала строительного бизнеса так, как знала его сейчас. Она несколько ночей изучала договоры, просила знакомого финансиста объяснить банковские ковенанты и составляла таблицы, пока не поняла, что Андрей пытается получить дополнительные деньги, не предлагая банку нового способа контролировать риски.

Именно Светлана придумала разделить проект на очереди, передать банку в залог коммерческие помещения и привязать следующий транш к предварительным продажам. Она подготовила презентацию, отрепетировала с Андреем вопросы и убедила его не скрывать задержку подрядчика.

На титульном слайде крупными буквами было написано: «Стратегия стабилизации проекта “Ключевой квартал”». Ниже стояли логотип компании и имя Андрея Лаврова.

Светлана медленно провела курсором по экрану, затем открыла свойства файла. В строке «Автор» значилось: «Светлана Игоревна».

Она открыла вкладку с датами изменений. Первую версию создала она. Последние правки тоже вносила она. В комментариях сохранились вопросы Андрея: «Свет, объясни ещё раз банк.», «Не слишком ли много контроля отдаём?», «Переделай график, чтобы выглядело проще».

Светлана открыла второй файл, затем третий. В презентации по «Ясному берегу» автором значилась она, а на титульном листе — Андрей. В плане урегулирования конфликта с жильцами автором значилась она, а официальное письмо ушло за подписью Андрея. В стратегии выхода на рынок складской недвижимости она подготовила весь аналитический раздел, но в итоговой версии её фамилия отсутствовала.

Таких документов было не десять и не двадцать. Они лежали в папках по годам, проектам и контрагентам, образуя вторую, невидимую историю компании.

Светлана вспомнила, как однажды, лет двенадцать назад, попросила Андрея указать её соавтором презентации для совета инвесторов. Он тогда обнял её за плечи, поцеловал в висок и сказал, что между ними смешно делить авторство.

«Какая разница, чьё имя на слайде, если мы всё делаем вместе?» — спросил он с улыбкой. Светлана согласилась, потому что действительно не видела разницы.

Теперь разница занимала два резюме. В одном Андрей Лавров двадцать лет создавал, управлял и побеждал. В другом Светлана Лаврова семь лет консультировала собственного мужа.

Она закрыла документы и несколько минут сидела неподвижно. Злость прошла, оставив после себя не облегчение, а ясность, от которой стало почти физически холодно.

Андрей не забрал её работу в один день. Не подделал подпись, не выгнал из кабинета и не сказал, что она ничего не умеет. Он просто каждый раз ставил своё имя там, где Светлана не считала нужным поставить собственное.

Она сама соглашалась. Сама говорила, что семье не нужны договоры, должности и доказательства. Сама позволяла ему представлять их общий результат, потому что верила: если они вместе возвращаются домой, неважно, кто стоит перед залом.

Дом оказался временным. Подписи остались.

Телефон снова зазвонил. Светлана ожидала увидеть Юлию из агентства или Андрея, решившего продолжить разговор, но на экране появился незнакомый городской номер.

Она позволила прозвучать трём сигналам, прежде чем ответить.

— Светлана Игоревна, добрый вечер, — произнёс женский голос, спокойный и профессиональный. — Меня зовут Елизавета Крылова, я помощник Романа Викторовича Воронцова. Удобно сейчас говорить?

Светлана выпрямилась. Имя Романа Воронцова знали все, кто имел отношение к крупному девелопменту. Андрей почти двадцать лет называл его то хищником, то рейдером в дорогом костюме, хотя открыто обвинить конкурента в незаконных действиях ни разу не смог.

«Вектор Девелопмент» забирал проекты, от которых другие отказывались, покупал проблемные активы и переманивал сильных руководителей. Роман редко появлялся в прессе, не участвовал в публичных скандалах и обладал неприятной способностью узнавать о слабостях конкурентов раньше, чем они сами успевали их признать.

— Говорите, Елизавета, — ответила Светлана, закрывая открытое резюме. — Что нужно Роману Викторовичу?

— Роман Викторович хотел бы встретиться с вами и обсудить вакансию руководителя программы стабилизации комплекса «Северный парк», — сообщила помощница без длинного вступления. — Это временная управленческая позиция с возможностью дальнейшего перехода в операционное направление группы.

Светлана знала «Северный парк». Проект принадлежал инвестиционному фонду, а «Вектор» выступал девелопером и управляющей компанией. По рынку уже несколько месяцев ходили слухи о задержках, конфликте с арендаторами и смене подрядчиков.

— Почему со мной? — спросила Светлана, поднимаясь из-за стола. — В моём резюме нет опыта руководства программами стабилизации.

На другом конце линии возникла короткая пауза. Елизавета, вероятно, сверялась с заметками, хотя её ответ прозвучал слишком уверенно для заранее подготовленной вежливой формулы.

— Роман Викторович знаком не только с вашим резюме, — сказала она. — Он попросил передать, что помнит переговоры по «Речной гавани», «Ключевому кварталу» и складскому терминалу на Восточном шоссе.

Светлана подошла к окну. В стекле отражалась женщина в домашней кофте, с распущенными волосами и усталым лицом, которую было трудно связать с крупными переговорами и многомиллиардными проектами.

— Эти проекты реализовала компания моего бывшего мужа, — произнесла она осторожно. — Во всех официальных документах руководителем указан Андрей Лавров.

— Роман Викторович знает, кто указан в официальных документах, — ответила Елизавета с той же невозмутимой точностью. — Именно поэтому он хочет поговорить с вами лично.

Светлана посмотрела на ноутбук, где за открытым окном звонка оставалось резюме с выделенным жёлтым словом «руководила». Несколько секунд назад она пыталась доказать незнакомому рекрутеру, что не просто передавала пожелания мужа. Теперь главный конкурент Андрея называл конкретные проекты и не просил объяснить, действительно ли Светлана принимала в них решения.

— Роман Викторович рассчитывает получить сведения о «Лавров Девелопмент»? — спросила она прямо. — Если встреча нужна для обсуждения моего бывшего мужа, мы только потеряем время.

— Я не уполномочена обсуждать содержание встречи, — спокойно ответила помощница. — Однако вакансия существует, предыдущий руководитель программы освобождён от должности, а Роман Викторович намерен обсуждать с вами условия работы, полномочия и показатели проекта. Завтра в одиннадцать часов вам будет удобно?

Светлана должна была попросить время на размышление. Следовало изучить компанию, поговорить с юристом и понять, не станет ли встреча с Воронцовым первой ошибкой в новой жизни.

Вместо этого она снова посмотрела на титульный слайд старой презентации. Имя Андрея стояло там крупно и уверенно, а имя Светланы пряталось в свойствах файла, куда никто никогда не заглядывал.

— Да, завтра в одиннадцать, — ответила она, чувствуя не облегчение, а осторожное, почти опасное возбуждение. — Пришлите адрес и имя человека, который оформит пропуск.

— Адрес сейчас поступит вам сообщением, — произнесла Елизавета. — Гостевой доступ уже заказан на ваше имя. Роман Викторович будет ждать вас лично.

Они попрощались. Через несколько секунд телефон коротко звякнул, и на экране появилось сообщение с адресом головного офиса «Вектор Девелопмент».

Светлана вернулась к столу и медленно опустилась в кресло. Она открыла резюме, поставила курсор после слов «Консультант по специальным проектам» и долго смотрела на пустое пространство, в которое не помещались ни бессонные ночи, ни спасённые договоры, ни люди, привыкшие приходить к ней со словами, что Андрей Сергеевич просил решить очередную проблему.

Сегодня главный конкурент бывшего мужа оказался первым человеком на рынке, который не спросил, действительно ли она умеет работать. Он только назвал проекты, в которых узнал её руку, и предложил прийти поговорить о должности.

Светлана сохранила файл, не исправив ни одной строчки. Завтра ей предстояло впервые объяснять собственный опыт человеку, который, возможно, уже знал его настоящую цену.

Глава 2. Цена моей работы

Утром Светлана проснулась за несколько минут до будильника и сначала не поняла, почему лежит неподвижно, вслушиваясь в тишину новой квартиры. За окном ещё не рассеялся серый осенний сумрак, в спальне прохладно пахло свежей краской и чистым бельём, а на соседней половине кровати никто не дышал, не ворочался и не тянулся к телефону, чтобы проверить первые сообщения из офиса.

Только увидев на кресле подготовленный с вечера тёмно-синий костюм, она вспомнила о встрече с Романом Воронцовым. Внутри сразу появилось неприятное напряжение, похожее не на обычное волнение перед собеседованием, а на чувство человека, который собирается добровольно войти в комнату, где давно и тщательно обсуждали его жизнь без его участия.

Светлана поднялась, прошла на кухню и включила кофемашину. Пока аппарат шумел, она открыла на телефоне сайт «Вектор Девелопмент», хотя за последние сутки уже несколько раз изучила его разделы, фотографии руководителей и краткие отчёты о проектах.

Официальная биография Романа Викторовича Воронцова была написана так, как обычно писали о людях, не нуждавшихся в подробном представлении. Сорок восемь лет, основатель и председатель совета директоров, двадцать два года в инвестиционном и девелоперском бизнесе, более трёх миллионов квадратных метров реализованных проектов, несколько отраслевых наград и ни одного упоминания о личной жизни.

На фотографии он стоял у макета нового делового квартала, положив ладонь на край стола. У Романа были короткие тёмные волосы с заметной сединой на висках, тяжёлый прямой взгляд и лицо человека, который редко улыбается ради того, чтобы собеседнику стало спокойнее.

Светлана видела его прежде на конференциях, переговорах и официальных приёмах, но никогда не разговаривала с ним дольше нескольких минут. Обычно мужчины обменивались приветствиями, Андрей позволял себе одну из тех шуток, которые звучали дружелюбно только для постороннего слушателя, а Роман отвечал коротко и вежливо, не предоставляя сопернику возможности продолжить.

Андрей называл Воронцова хищником. По словам бывшего мужа, Роман никогда не создавал ничего с нуля, а только дожидался чужой слабости, чтобы войти в проект, выкупить долги, переманить команду или предложить банку более выгодные условия.

Светлана слишком хорошо знала Андрея, чтобы принимать эту характеристику без поправок. Он особенно ненавидел конкурентов, которые видели его трудности раньше, чем он успевал убедить рынок, что никаких трудностей не существует.

Кофе получился крепче обычного. Светлана сделала несколько глотков, открыла электронное письмо помощницы Воронцова и ещё раз перечитала адрес, время встречи и короткое указание обратиться на стойку регистрации.

Никакого перечня документов, рекомендаций или сертификатов у неё не попросили. Елизавета только написала, что встреча займёт около полутора часов, однако Светлана не верила, что человек уровня Воронцова выделит столько времени исключительно ради вежливой беседы с бывшей женой конкурента.

Она одевалась медленно и придиричиво. Светлая блузка показалась слишком мягкой, чёрный костюм — слишком траурным, а бежевое платье напоминало одежду, которую она носила на приёмы вместе с Андреем.

В итоге Светлана выбрала тёмно-синие брюки, жакет строгого кроя и тонкую шёлковую блузку цвета топлёного молока. Волосы она собрала в низкий узел, отказалась от яркой помады и только перед выходом добавила небольшие серьги, которые купила уже после переезда в новую квартиру и ни разу не надевала при бывшем муже.

Навигатор обещал сорок минут пути, но Светлана выехала раньше. Она не хотела опоздать, однако ещё сильнее не хотела приехать слишком рано и сидеть в чужом холле, пока сотрудники Воронцова будут рассматривать женщину, которую рынок уже наверняка называл главным кадровым приобретением или главной глупостью недели.

Офис «Вектор Девелопмент» находился в новом деловом квартале на другом берегу реки. Здание было выше и заметно строже офиса Андрея: тёмное стекло, светлый камень, широкие ступени и почти полное отсутствие наружной рекламы.

На фасаде висела только небольшая металлическая надпись «Вектор». Ни фамилии владельца, ни изображения будущих жилых комплексов, ни громких лозунгов о создании нового качества жизни рядом не было.

Светлана оставила машину на подземной парковке и поднялась к центральному холлу на лифте. Внутри пахло дорогим кофе, полированным камнем и чем-то ещё — холодным, металлическим, почти больничным, хотя пространство не выглядело безжизненным.

За стойкой регистрации сидели двое администраторов. Молодой мужчина в сером костюме попросил паспорт, сверил данные с системой и протянул Светлане чёрную гостевую карточку, на которой уже были напечатаны её имя и фамилия.

— Светлана Игоревна, вас ждут на двадцать втором этаже, — сообщил администратор, возвращая документ. — Лифт откроется по пропуску. Елизавета Андреевна встретит вас у приёмной.

Светлана поблагодарила его и прикрепила карточку к жакету. Вчерашний пропуск с крупным словом «ПОСЕТИТЕЛЬ» лежал в кармане пальто, потому что она машинально забрала его из машины, не зная, должна ли была вернуть в «Лавров Девелопмент».

На новой карточке не было унижительной надписи. Было только её имя, однако Светлана всё равно чувствовала себя человеком, вошедшим на чужую территорию по временно выданному разрешению.

Лифт поднялся почти бесшумно. В зеркальной стене она увидела собственное отражение и на мгновение представила, как будет выглядеть эта встреча со стороны: бывшая жена Андрея Лаврова приходит к его главному конкуренту на следующий день после окончательного ухода из компании.

Рынок не поверит в случайность. Андрей тем более не поверит, даже если Светлана уйдёт отсюда без предложения и больше никогда не увидит Романа Воронцова.

Двери лифта открылись в просторную приёмную. Елизавета Крылова поднялась из-за стола и пошла навстречу, держа в руке тонкую папку.

Она оказалась женщиной около тридцати пяти лет, высокой, коротко стриженной и одетой в строгий серый костюм. В её движениях не было ни секретарской суетливости, ни подчеркнутого почтения к посетительнице, которая могла оказаться будущим руководителем или шпионкой конкурента.

— Светлана Игоревна, доброе утро, — произнесла Елизавета, пожимая ей руку. — Роман Викторович освободится через несколько минут. Могу предложить кофе, чай или воду.

— Воду, пожалуйста, — ответила Светлана и посмотрела на закрытую дверь кабинета. — Встреча точно состоится лично с Романом Викторовичем?

Елизавета едва заметно приподняла брови, словно вопрос показался ей странным, но не неуместным. Она указала Светлане на кресло возле широкого окна и поставила перед ней бутылку воды со стаканом.

— Да, он будет разговаривать с вами сам, — подтвердила помощница спокойным голосом. — Руководитель проекта «Северный парк» подчиняется исполнительному комитету, поэтому Роман Викторович проводит заключительные собеседования лично. В вашем случае он решил начать с собственной встречи, а уже затем, при необходимости, подключить остальных членов комитета.

— Значит, я не единственный кандидат, — заметила Светлана, откручивая крышку бутылки. — Это, пожалуй, первое обстоятельство, которое делает ситуацию похожей на нормальное собеседование.

Елизавета посмотрела на неё внимательнее. В уголках её губ появилось нечто похожее на сдержанную улыбку, но голос остался деловым.

— Кандидаты есть, Светлана Игоревна, — объяснила она. — Однако ни с кем другим Роман Викторович не просил назначить встречу настолько быстро.

Светлана не успела спросить, следует ли считать это преимуществом или предупреждением. Дверь кабинета открылась, и оттуда вышли двое мужчин с папками в руках.

Один из них продолжал что-то объяснять, двигаясь спиной вперёд, но замолчал, когда Роман остановился на пороге. Воронцов не повысил голос и не сделал ни одного резкого движения, однако собеседники почти одновременно выпрямились.

— До четырёх часов мне нужен пересчитанный вариант без этой статьи расходов, — произнёс Роман негромко, обращаясь к мужчине с папкой. — Если вы ещё раз включите в модель доход, которого нет в подписанных соглашениях, я буду считать это не ошибкой, а сознательной попыткой ввести комитет в заблуждение.

— Роман Викторович, мы исходили из предварительных договорённостей с сетью, — начал оправдываться сотрудник, прижимая папку к груди. — Они подтвердили интерес письмом, просто договор пока находится у юристов.

— Интерес не является арендным платежом, — перебил Роман, сохраняя ровную интонацию. — В финансовой модели учитываются договоры, а не надежды. До четырёх часов, Сергей Павлович.

Мужчина кивнул и быстро пошёл к лифту вместе с коллегой. Роман проводил их взглядом, затем повернулся к Светлане.

Живую он казался выше, чем на фотографиях. Тёмный костюм сидел безупречно, белая рубашка была расстёгнута у воротника, а в лице не было ни утренней усталости, ни приветливой маски, которую владельцы компаний обычно надевали перед важными кандидатами.

— Светлана Игоревна, доброе утро, — сказал Роман, подходя ближе и протягивая руку. — Спасибо, что согласились приехать так быстро.

— У меня неожиданно освободилось расписание, — ответила она, принимая рукопожатие. — Поэтому я решила не заставлять вас ждать.

Он понял намёк на её увольнение, но не выразил ни сочувствия, ни неловкости. Только слегка кивнул, словно Светлана сообщила обычный деловой факт.

— Тогда не будем тратить освободившееся время зря, — произнёс Роман и открыл перед ней дверь. — Проходите.

Кабинет оказался большим, но не демонстративно роскошным. Здесь не было тяжёлых деревянных панелей, коллекционных картин и фотографий владельца с известными людьми.

У стены стоял длинный рабочий стол, рядом — стол для небольших совещаний, а почти всю противоположную сторону занимали окна с видом на реку и деловой центр. На подоконнике лежали свёрнутые чертежи, несколько образцов фасадных материалов и маленький металлический макет здания, который выглядел скорее рабочим предметом, чем украшением.

Роман предложил Светлане сесть за переговорный стол. Сам он занял место напротив и положил перед собой тонкую папку, на обложке которой было напечатано её имя.

Светлана заметила это сразу. В компании Андрея материалы по кандидатам обычно приносил директор по персоналу, а собственник просматривал только краткую справку перед встречей, если вообще считал нужным присутствовать.

— Я ожидала увидеть здесь человека из службы безопасности, — начала Светлана, кладя сумку на соседнее кресло. — Или юриста, который первым делом попросит перечислить всё, что мне известно о компании бывшего мужа.

— Служба безопасности уже проверяет открытые сведения о вас, — спокойно ответил Роман, открывая папку. — Юрист подключится, если мы дойдём до обсуждения условий. Что касается информации о Лаврове, мне известно достаточно, чтобы не тратить время собеседования на пересказ его внутренних проблем.

— Тогда зачем я здесь? — спросила Светлана и положила ладони на стол. — Не думаю, что моё резюме произвело на вас сильное впечатление.

— Ваше резюме составлено плохо, — без колебаний сообщил Роман. — В нём слишком много осторожных глаголов, ни одного измеримого результата и семь лет работы консультантом без понятной зоны ответственности. На такую бумагу я бы тоже предложил вам место помощника руководителя.

Светлана почувствовала, как к щекам приливает тепло. Его слова почти дословно повторяли её вчерашние мысли, однако от чужого человека они прозвучали жёстче.

— Если вы пригласили меня, чтобы объяснить, насколько плохо я составила резюме, можно было ограничиться письмом, — заметила она, выпрямляя спину. — Я бы сэкономила вам полтора часа.

— Я пригласил вас, потому что резюме противоречит тому, что я видел последние десять лет, — ответил Роман и придвинул к ней несколько листов. — Здесь список проектов «Лавров Девелопмент». Я хочу, чтобы вы объяснили свою роль в каждом из них.

На первом листе были перечислены восемь объектов. «Ключевой квартал», «Ясный берег», «Речная гавань», складской терминал на Восточном шоссе, региональный торговый центр, два жилых комплекса и проект реконструкции бывшей фабрики, от которого компания Андрея в итоге отказалась.

Рядом с названиями стояли даты, основные проблемы и краткие результаты. Информация была собрана из открытых источников, банковских отчётов, судебных материалов и отраслевых публикаций, но несколько формулировок показывали, что Воронцов знал больше обычного наблюдателя.

Светлана не прикоснулась к листам. Она прочитала первый пункт и подняла взгляд на Романа.

— Если вы хотите узнать внутренние причины задержек, суммы договоров или условия банковского финансирования, я не стану это обсуждать, — произнесла она твёрдо. — Развод не отменяет обязательств о конфиденциальности, а обида на Андрея не делает чужие сведения моими.

— Я не спрашивал о суммах, — заметил Роман, слегка откидываясь в кресле. — Начнём с «Ключевого квартала». Что вы там сделали?

— Это было шестнадцать лет назад, — ответила Светлана после паузы. — Компания тогда состояла из нескольких человек, а я официально вообще нигде не числилась.

— Тем лучше, — сказал он, не отводя взгляда. — Значит, вам не придётся пересказывать должностную инструкцию.

Светлана снова посмотрела на лист. Вчера она уже вспоминала тот проект, читая старые презентации, но теперь ей предлагали назвать собственные действия вслух перед человеком, который не был ни мужем, ни юристом, ни рекрутером.

— Банк отказался увеличивать кредитную линию, потому что темпы продаж не соответствовали графику, — начала она осторожно. — Андрей пытался убедить кредитный комитет, что задержка временная и рынок восстановится, но эти аргументы никого не устраивали.

— Что предложили вы? — спросил Роман, не позволяя ей снова спрятаться за общим рассказом.

— Разделить проект на очереди и изменить структуру залога, — ответила Светлана. — Коммерческие помещения можно было передать банку в обеспечение, а выдачу следующего транша привязать к фактическим продажам готового корпуса. Кроме того, мы пересмотрели

график подрядчика и отказались от части наружных работ, которые не влияли на ввод первой очереди.

— Почему банк согласился? — уточнил Роман, проводя пальцем по строке в своих записях. — Дополнительный залог сам по себе не устранял риск низких продаж.

— Потому что мы перестали просить довериться Андрею на слово, — пояснила Светлана и впервые почувствовала, что разговор действительно касается работы. — Банк получил механизм контроля. Кроме того, я настояла, чтобы мы показали реальную задержку, а не пытались спрятать её в красивой презентации.

— Андрей был против, — произнёс Роман не как вопрос, а как установленный факт.

— Он считал, что признание проблемы ослабит переговорную позицию, — ответила Светлана. — Я считала, что банк и так знает о проблеме, а попытка сделать вид, будто её нет, только уничтожит остатки доверия.

Роман кивнул и сделал короткую пометку. В его лице не появилось восхищения, но и обычной снисходительной заинтересованности, которую Светлана часто видела у мужчин, удивлённых, что жена предпринимателя умеет читать финансовые документы, тоже не было.

— «Ясный берег», — продолжил он, переворачивая страницу. — Конфликт с владельцами гаражей и изменение подъездной схемы. Что сделали вы?

Светлана посмотрела на дату. Проекту было почти двенадцать лет, но она хорошо помнила тесный зал районной администрации, десятки разгневанных мужчин и Андрея, который до последнего считал, что достаточно предложить собственникам рыночную компенсацию.

— Я отказалась вести переговоры со всеми сразу, — ответила она. — Группа была неоднородной. Часть людей действительно пользовалась гаражами, часть сдавала их, некоторые надеялись получить завышенную выплату, а двое пытались использовать конфликт перед местными выборами.

— Вы разделили их интересы, — предположил Роман.

— Я выяснила, кому нужны деньги, кому другое место, а кому публичная победа, — пояснила Светлана. — Денежная компенсация не решала проблему тех, кто жил рядом и боялся потерять парковку. Мы предложили им места в новом многоуровневом паркинге и временную площадку на период строительства. Активистам дали возможность участвовать в обсуждении транспортной схемы, но не позволили диктовать коммерческие условия.

— Кто предложил изменить въезд? — спросил Роман.

Светлана на мгновение замолчала. Изменение въезда увеличило стоимость проекта, зато позволило сохранить часть гаражей и снизить нагрузку на жилую улицу.

— Я, — ответила она. — Инженеры разработали решение, но инициатива была моей.

Роман снова сделал пометку. Затем перешёл к «Речной гавани», где задерживалось подключение к тепловым сетям, и потребовал объяснить, почему Светлана настояла на прямой встрече банка, сетевой организации и подрядчика.

Она рассказывала, а он задавал всё более точные вопросы. Романа не интересовали громкие результаты, которые можно было найти в рекламных буклетах. Он спрашивал, в какой момент Светлана поняла, что подрядчик лжёт, почему она не доверяла официальному графику, кто сопротивлялся новому плану и каким образом ей удалось заставить три стороны подписать общий протокол.

— Подрядчик каждый раз объяснял задержку новой причиной, — произнесла Светлана, вспоминая бесконечные совещания. — Сначала не хватало проектной документации, потом город не согласовал раскопки, затем поставщик задержал оборудование. Когда причины меняются, а срок отодвигается на одинаковое количество дней, проблема обычно не во внешних обстоятельствах, а в нехватке людей или денег.

— И вы потребовали банковские выписки подрядчика? — уточнил Роман.

— Я не имела права их требовать, — возразила Светлана и слегка нахмурилась. — Я попросила подтвердить оплату оборудования и наличие аванса у поставщика. Подтверждений не оказалось.

— Тогда почему Лавров не расторг контракт? — спросил он.

— Потому что новый подрядчик потребовал бы больше денег и не гарантировал завершение в срок, — объяснила Светлана. — Мы добились, чтобы прежний привлёк субподрядчика и передал ему часть работ под контролем банка. Расторжение выглядело бы решительным поступком, но решительность не всегда решает проблему.

Роман на мгновение задержал взгляд на её лице. Впервые за встречу он едва заметно улыбнулся, хотя улыбка не сделала выражение мягче.

— Андрей всегда любил поступки, которые хорошо выглядят на совещании, — заметил он, закрывая одну страницу и открывая следующую.

— Вы слишком хорошо осведомлены о его привычках, — ответила Светлана сдержанно. — Надеюсь, это не означает, что от меня ждут подтверждения вашей характеристики.

— Мне не требуется ваше согласие, чтобы составить мнение о конкуренте, — произнёс Роман и положил ручку на стол. — Продолжим.

Он спросил о складском терминале, и Светлана рассказала, как изменила концепцию объекта после того, как два потенциальных арендатора отказались от больших блоков. Вместо попытки найти одного крупного клиента она предложила разделить часть площадей на более мелкие модули, хотя Андрей считал это признанием провала первоначальной стратегии.

Роман поинтересовался, почему она настояла на увольнении регионального директора торгового центра. Светлана ответила не сразу, потому что это решение до сих пор оставалось одним из самых неприятных в её профессиональной жизни.

Руководитель филиала работал в компании почти десять лет, дружил с Андреем и умел красиво докладывать о результатах. Когда арендаторы начали массово жаловаться на снижение потока покупателей, он обвинял рынок, дорожные работы и конкурентов, но Светлана обнаружила, что часть маркетингового бюджета расходовалась на мероприятия, которые никогда не проводились.

— Вы считаете, что он воровал? — спросил Роман, внимательно наблюдая за её реакцией.

— Я считала, что он скрывал неэффективность и переводил деньги связанным подрядчикам, — ответила Светлана. — Прямых доказательств хищения тогда не было. Поэтому я не требовала уголовного дела, но настаивала, что он не может оставаться руководителем.

— Андрей его защищал, — снова заключил Роман.

— Они начинали вместе, — пояснила Светлана. — Андрей считал, что нельзя выбрасывать человека после первой серьёзной ошибки.

— А вы? — спросил Роман, слегка наклоняясь вперёд. — Что считали вы?

— Что десять лет верности не дают права ещё десять лет причинять ущерб, — ответила она. — Но я предложила выплатить компенсацию и не разрушать его репутацию публичным скандалом.

— Он потом перешёл к конкурентам и рассказывал, что Лавров избавляется от старой команды по требованию жены, — заметил Роман, снова беря ручку. — Вы знали?

Светлана медленно выдохнула. Она слышала похожие слухи, но Андрей тогда уверял, что никто не воспринимает их серьёзно.

— Знала, — сказала она. — Андрей попросил меня не реагировать. Он считал, что спор с обиженным бывшим сотрудником только придаст словам вес.

— Удобное решение, — произнёс Роман. — Андрей сохранил образ великодушного владельца, а вы получили репутацию женщины, которая увольняет неугодных из-за личной неприязни.

— Вы пригласили меня обсуждать работу или объяснять, как бывший муж использовал меня для неприятных решений? — спросила Светлана, чувствуя, что разговор незаметно приблизился к той границе, которую она не собиралась переходить.

Роман отложил ручку и несколько секунд молчал. Он не выглядел раздражённым, скорее оценивал, насколько далеко может зайти, не превратив собеседование в допрос о браке.

— Работу, — ответил он наконец. — Но ваша способность принимать неприятные решения имеет значение. Особенно потому, что в официальной истории компании эти решения принадлежат Лаврову, а ответственность за последствия почему-то часто оставалась вам.

Светлана не стала возражать. Формулировка была слишком точной, чтобы спорить только ради сохранения дистанции.

Роман перевернул последний лист и задал ещё несколько вопросов о неудачных проектах. Его интересовали не только победы: он попросил рассказать о реконструкции фабрики, от которой «Лавров Девелопмент» отказалась после двух лет подготовки.

Светлана объяснила, что они слишком поздно обнаружили загрязнение грунта и недооценили стоимость переноса инженерных сетей. Она сама поддерживала первоначальную концепцию и долго не хотела признавать, что проект необходимо остановить.

— То есть вы ошиблись, — произнёс Роман, не смягчая вывода.

— Да, — ответила Светлана и встретилась с ним взглядом. — Я слишком поверила в переговорное решение там, где проблема была технической и финансовой. Мне казалось, что можно договориться с собственником земли, городом и банком, если найти правильный баланс интересов. Но никакие переговоры не уменьшали стоимость очистки грунта.

— Кто настоял на отказе? — спросил он.

— Финансовый директор, — признала Светлана. — Я сопротивлялась ещё два месяца и потеряла часть денег на дополнительное обследование.

— Почему вы рассказываете об этом так спокойно? — Роман слегка приподнял брови. — Большинство кандидатов попытались бы представить ошибку как сложное коллективное решение.

— Потому что вы всё равно найдёте тех, кто расскажет другую версию, — ответила она. — И потому что работа, в которой человек никогда не ошибается, обычно означает, что решения принимал кто-то другой.

В кабинете ненадолго установилась тишина. За окнами по мосту медленно двигались машины, а на реке ветер гнал мелкую рябь, похожую на металлическую стружку.

Роман закрыл папку с проектами. Он больше не делал записей, но Светлана чувствовала, что настоящее собеседование только теперь приближается к главному вопросу.

— Вы знаете, что меня удивило сильнее всего? — спросил он, складывая руки на столе. — Ни один ваш ответ не совпадает с публичной версией Лаврова полностью. Но ни в одном вы не попытались приписать себе весь результат.

— Потому что я не строила объекты одна, — ответила Светлана. — Инженеры находили технические решения, финансисты считали модели, юристы готовили договоры, а Андрей принимал окончательные решения и нёс юридическую ответственность. Я не собираюсь отвечать на присвоение моего труда присвоением работы всей команды.

— Хороший ответ, — произнёс Роман. — Почти слишком хороший для собеседования.

— Я не готовила его заранее, — заметила она. — Вы не прислали список вопросов.

— Если бы прислал, вы бы пришли с презентацией, — сказал он и чуть откинулся в кресле. — А меня интересовало, насколько быстро вы отделяете главное от удобной легенды.

Светлана взяла стакан и сделала несколько глотков воды. Она ожидала обвинений, предложений продать информацию или хотя бы неловких вопросов о разводе, но Роман за сорок минут ни разу не спросил, почему распался её брак и кто был виноват.

Это отсутствие любопытства одновременно успокаивало и настораживало. Возможно, он уже знал достаточно из рынка, а возможно, личные причины действительно не имели для него никакого значения.

— Вы сказали вчера через помощницу, что помните несколько моих проектов, — произнесла Светлана, ставя стакан на стол. — Откуда вы вообще знали, что решения принимала я? В официальных документах этого нет.

Роман не ответил сразу. Он поднялся, подошёл к боковому шкафу и достал оттуда другую папку, более толстую и старую, с потёртым краем.

Вернувшись к столу, он положил перед Светланой копию протокола переговоров десятилетней давности. В верхней части страницы стояли логотипы «Вектора» и «Лавров Девелопмент», а ниже перечислялись участники встречи.

Светлана нашла своё имя почти в самом конце списка. Рядом было указано: «консультант генерального директора».

— Это был конкурс на складской комплекс возле объездной дороги, — пояснил Роман, проводя пальцем по дате. — Андрей приехал с предложением фиксированной арендной ставки и потребовал исключительных прав на весь земельный участок. Мы предложили совместное развитие инфраструктуры, но он отказался.

— Я помню эту встречу, — ответила Светлана. — Она длилась почти пять часов.

— Первые три часа Лавров повторял одну и ту же позицию, — продолжил Роман, не скрывая сухой иронии. — Затем вы попросили перерыв. Андрей вышел вместе с вами, а через двадцать минут вернулся и предложил разделить участок на две очереди, зафиксировать расходы на дорогу и связать эксклюзивность с темпами строительства.

— Это решение всё равно не устроило вас, — заметила Светлана. — Вы отказались от совместного проекта.

— Отказался, — согласился Роман. — Но предложение стало разумным. Через год вы реализовали похожую модель с другим партнёром и получили терминал, который приносит прибыль до сих пор.

Он открыл папку на другой странице. Там находилась фотография с отраслевого круглого стола, где Андрей выступал перед инвесторами, а Светлана сидела в первом ряду с блокнотом на коленях.

— Потом я начал замечать повторяющийся сценарий, — продолжил Роман. — Лавров приходил с жёсткой, иногда откровенно слабой позицией. Вы слушали, делали записи, просили перерыв или отправляли ему сообщение. После этого он менял аргументацию, предлагал компромисс или обнаруживал риск, которого до этого не замечал.

Светлана смотрела на старую фотографию. Она помнила тот день, серое платье, затянувшееся выступление и короткую записку, которую передала Андрею через помощника.

В записке было всего несколько слов: «Инвестор боится не цены, а потери контроля после первого транша». Андрей прочитал её, задал один вопрос и изменил всю презентацию прямо во время обсуждения.

— Почему вы никогда не говорили об этом прямо? — спросила Светлана, закрывая папку. — Мы встречались десятки раз.

— Потому что я считал вас партнёром Лаврова, — ответил Роман. — Не женой, которая иногда помогает, а негласным совладельцем, предпочитающим не занимать публичную должность. Я не пытался переманить вас по той же причине, по которой не пытался переманить самого Андрея: мне казалось, что вы владеете результатом вместе.

— А теперь? — уточнила она.

— После объявления о разводе рынок начал обсуждать раздел имущества, — произнёс Роман без неловкости. — Я узнал, что у вас нет доли, места в совете и даже официальной должности, соответствующей реальной работе. Сначала решил, что это очередная юридиче-

ская схема и вы получите компенсацию через другие активы. Потом увидел ваше обновлённое резюме в базе агентства.

Светлана невольно напряглась. Резюме она отправляла только нескольким рекрутерам и не думала, что информация так быстро попадёт к владельцу конкурирующей компании.

— Вы следили за мной? — спросила она.

— Нет, — ответил Роман ровно. — Я поручил директору по персоналу сообщить, если вы выйдете на рынок. Это не одно и то же, хотя понимаю, что звучит ненамного лучше.

— И что вы подумали, увидев моё резюме? — Светлана убрала руку с папки. — Что Андрей прав и я действительно была всего лишь консультантом?

— Я подумал, что вы либо переоцениваете порядочность работодателей, либо до сих пор боитесь назвать сделанное своим, — сказал Роман. — Оба варианта создают проблемы для руководителя.

Её первая реакция была возмутиться, но Светлана удержалась. Он не пытался обесценить её опыт, однако и не собирался превращать признание в комплимент.

— Вы считаете меня слабым кандидатом? — спросила она.

— Я считаю вас сильным специалистом с опасной привычкой существовать через чужие полномочия, — ответил Роман. — Вы умеете принимать решения, но двадцать лет могли в любой момент отнести последствия мужу. Даже если он лишь ставил подпись, юридический и публичный риск оставался на нём. Теперь подпись придётся ставить вам.

Светлана почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Несколько минут назад он доказывал, что видел её реальную работу, а теперь повторял аргумент Андрея о формальной ответственности.

— Я не пряталась за ним, — произнесла она жёстче. — Я работала в системе, которую мы оба считали общей.

— Именно, — сказал Роман, не повышая голоса. — Вы считали её общей, а документы считали иначе. Теперь мне нужно понять, сможете ли вы руководить там, где полномочия, ответственность и результат будут принадлежать вам одновременно.

— Поэтому вы выбрали «Северный парк», — догадалась Светлана. — Проблемный объект, где никто не станет долго обсуждать мои семейные привычки, если сроки продолжают срываться.

— Поэтому я рассматриваю вас на «Северный парк», — поправил Роман. — Я ещё ничего не выбрал.

Он нажал кнопку на панели стола. Через несколько секунд в кабинет вошла Елизавета с новой папкой и несколькими распечатанными листами.

Роман поблагодарил помощницу и попросил её пригласить через двадцать минут директора юридического департамента. Елизавета кивнула, поставила материалы перед Светланой и вышла.

На обложке папки было написано: «Программа стабилизации МФК «Северный парк»». Светлана открыла первый лист и увидела краткую справку по проекту.

Комплекс состоял из торговой галереи, офисной башни, подземного паркинга и двух корпусов апартаментов. Инвестиционный фонд владел объектом, а «Вектор» отвечал за строительство, сдачу площадей и последующее управление.

Срок открытия первой очереди уже переносили дважды. Несколько арендаторов получили право на расторжение договоров, фасадные конструкции задерживались, а генеральный подрядчик продолжал сообщать о высокой готовности, не подтверждая её фактическими объёмами.

— Предыдущий руководитель программы был уволен три дня назад, — сообщил Роман, пока Светлана изучала таблицу. — Он предоставил совету отчёт с отставанием в три недели. Вчера независимая проверка подтвердила минимум восемь.

— Почему он скрывал разницу? — спросила Светлана, перелистывая страницу.

— Утверждает, что доверял данным генерального подрядчика и надеялся наверстать график, — ответил Роман. — Я считаю, что он боялся признать потерю контроля.

— Вы уволили его до завершения внутреннего расследования? — уточнила она.

— Да, — подтвердил Роман. — Доступ к недостоверной информации был у него, отчёт подписал он, а совет принимал решения на основании его подписи. Остальные обстоятельства повлияют на размер компенсации и возможные претензии, но не на право продолжать управлять проектом.

Светлана подняла взгляд. В его словах не было злорадства, однако и желания найти смягчающие обстоятельства тоже не чувствовалось.

— Сколько лет он работал в компании? — спросила она.

— Одиннадцать, — ответил Роман. — Начинал руководителем строительного участка, затем вёл два региональных объекта. Я хорошо его знаю и не считаю плохим человеком.

— Но уволили за один отчёт, — заметила Светлана.

— Не за отчёт, — поправил Роман. — За решение скрыть реальность, пока цена правды становилась выше с каждым днём. Проект не может зависеть от того, насколько мне жалко старого сотрудника.

Светлана вспомнила регионального директора, которого Андрей защищал из-за десяти лет общей истории. Перед ней сидел мужчина, которого бывший муж называл хищником, и спокойно объяснял, почему верность не отменяет ответственности.

— Что именно вы хотите получить за три месяца? — спросила она, возвращаясь к документам.

Роман придвинул к ней лист с перечнем показателей. Там не было требования открыть комплекс в невозможный срок или полностью устранить накопленное отставание.

Первой задачей стояла независимая проверка реального состояния проекта. Затем — единый график, согласованный строительным блоком, закупками, арендой и финансистами; план по сохранению ключевых арендаторов; решение по фасадному контракту; еженедельный отчёт инвестиционному фонду и передача ежедневного управления постоянному руководителю.

— Вы не ожидаете, что за три месяца я спасу весь комплекс, — произнесла Светлана, внимательно читая показатели.

— Если человек обещает за три месяца решить всё, что накапливалось год, его нельзя допускать к проекту, — ответил Роман. — Мне нужно остановить ухудшение, понять реальный масштаб потерь и создать систему, которая продолжит работать после вас.

— После меня? — переспросила она. — Значит, должность временная в буквальном смысле.

— Контракт на три месяца относится к программе стабилизации, — пояснил он. — Если результаты устроят совет, мы предложим вам постоянную позицию в операционном направлении. Если нет, вы получите оплату за выполненную работу и уйдёте без обязательства доказывать, что двадцать лет опыта должны автоматически означать успех в новой компании.

Светлана медленно перевернула страницу. Прямота могла показаться грубостью, но после вчерашних осторожных предложений стать «координатором при первом лице» она неожиданно воспринималась как уважение.

— Какими полномочиями я буду обладать? — спросила она. — Не общими формулировками, а конкретно.

— Право требовать информацию от всех подразделений проекта, созывать межфункциональные совещания, возвращать несогласованные графики, инициировать замену подрядчиков и сотрудников, — перечислил Роман. — Кадровые решения уровня руководителей блоков и изменения бюджета выше установленного лимита утверждает исполнительный комитет.

— Смогу ли я сформировать собственную команду? — уточнила Светлана.

— До шести человек из существующих подразделений с временным прямым подчинением программе, — ответил он. — Внешних консультантов сможете привлекать в пределах согласованного бюджета.

— А если руководитель подразделения откажется отдавать сотрудника? — спросила она.

— Тогда он объяснит отказ исполнительному комитету, — сказал Роман. — Не вам и не мне по телефону, а официально.

Светлана закрыла папку и положила ладонь на обложку. Предложение выглядело серьёзным, продуманным и слишком подходящим, чтобы не искать скрытую цену.

— Теперь скажите, зачем вам именно я, кроме профессионального опыта, — произнесла она. — Не красивую версию для отдела персонала, а настоящую причину.

Роман не стал изображать непонимание. Он сцепил пальцы и посмотрел на неё так спокойно, будто ожидал этого вопроса с первой минуты.

— Потому что вы умеете работать с проектами, где проблема заключается не только в стройке, — ответил он. — «Северный парк» разваливается между подразделениями. Каждый сообщает правду о своём участке, но общая картина остаётся ложной. Вы двадцать лет занимались именно такими ситуациями.

— Это профессиональная причина, — заметила Светлана. — Я спросила о другой.

— Ваш переход в «Вектор» выведет Андрея из равновесия, — произнёс Роман без паузы. — Он воспримет это как личный удар, даже если вы не передадите мне ни одного документа. На некоторое время его внимание переключится с рынка на вас и на меня.

Светлана ожидала подобного признания, но от прямоты всё равно стало неприятно. Роман не скрывал, что рассматривает её появление как часть конкурентной борьбы, и говорил об этом так, будто оценивал дополнительный эффект рекламной кампании.

— Значит, вы всё-таки хотите использовать меня против бывшего мужа, — сказала она, медленно убирая руку с папки.

— Я хочу нанять сильного руководителя, появление которого одновременно создаст неудобство конкуренту, — уточнил Роман. — Эти мотивы существуют вместе. Было бы нечестно утверждать обратное.

— Нечестность вас беспокоит только в формулировках? — спросила Светлана. — Или вы действительно считаете, что после такого признания я должна спокойно согласиться стать вашим способом задеть Андрея?

— Я считаю, что вы должны оценить условия и решить, устраивает ли вас работа, — ответил он. — Эмоции Лаврова не входят в ваши обязанности. Я не потребую от вас провоцировать его, давать интервью или участвовать в демонстративных встречах.

— Но вы будете использовать сам факт моего назначения, — сказала Светлана.

— Я не стану прятать руководителя программы, чтобы сохранить спокойствие конкурента, — возразил Роман. — Если рынок решит, что Воронцов переманил настоящего автора части проектов Лаврова, я не обязан опровергать выгодный мне вывод.

Светлана почувствовала желание встать и уйти. В его рассуждении была холодная деловая логика, но ей уже достаточно долго приходилось существовать как часть мужской стратегии.

Андрей использовал её способности, чтобы укреплять собственную репутацию. Роман предлагал официальную должность, но одновременно видел в ней инструмент, способный нарушить равновесие соперника.

— Я не позволю сделать из себя оружие в вашей войне, — произнесла Светлана, глядя ему прямо в глаза. — Если вам нужен символический удар по Андрею, найдите другого человека. Я пришла обсуждать собственную работу.

Роман не перебил её. Он выслушал до конца, затем слегка наклонил голову, словно проверял точность формулировки.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда зафиксируем границу. Вы не обязаны участвовать в публичном противостоянии, комментировать развод и предоставлять сведения о «Лавров Девелопмент». Ваши результаты будут оцениваться только по «Северному парку».

— А вы? — спросила Светлана. — Обязуетесь не использовать моё имя в переговорах с Андреем?

— Нет, — ответил Роман, и в его голосе впервые появилась заметная жёсткость. — Я не дам обещание, которое не собираюсь выполнять. Если Лавров попытается использовать против нас ваш переход, я отвечу. Если он спросит, почему вы работаете у меня, я скажу, что считаю вас сильным специалистом. Если сам факт вашего назначения даст «Вектору» преимущество, я не стану притворяться, будто его не существует.

Светлана сжала губы. Её раздражала не только позиция Романа, но и невозможность поймать его на красивой лжи.

— Тогда чем вы отличаетесь от Андрея? — спросила она. — Он тоже считал, что вправе использовать мой труд, потому что это было выгодно компании.

Роман медленно выпрямился. В его лице не появилось обиды, но взгляд стал тяжелее.

— Тем, что я предлагаю назвать вашу должность, обязанности, полномочия и цену, — ответил он. — Тем, что результат будет указан под вашим именем. Тем, что вы сможете отказаться и уйти с оплатой за выполненную работу. И тем, что я не стану называть использование ваших способностей супружеской любовью.

Слова ударили точнее, чем Светлана ожидала. На несколько секунд она потеряла подготовленный ответ и только смотрела на мужчину напротив.

Роман не смягчил сказанное. Он открыл папку с контрактом и придвинул её ближе, словно после эмоционально неприятной правды следовало вернуться к тому, что можно проверить на бумаге.

— Если этих различий недостаточно, не подписывайте договор, — добавил он спокойнее. — Я найму другого руководителя. Возможно, менее сильного, но с более понятной биографией.

— Вы уверены, что я сильная? — спросила Светлана после паузы. — Или вам нравится версия, в которой Андрей добился успеха только благодаря жене?

— Я не считаю Лаврова слабым, — ответил Роман. — Слабый человек не построил бы его компанию, даже получая хорошие советы. Но часть решений, за которые рынок уважает его, принимал не он. Я предпочитаю платить тому, кто выполняет работу, а не тому, кто лучше выглядит на фотографии.

Дверь открылась после короткого стука, и в кабинет вошёл мужчина лет пятидесяти с тонкой папкой под мышкой. Роман представил его как Михаила Аркадьевича Сергеева, директора юридического департамента.

Юрист поздоровался со Светланой и занял место сбоку, не проявляя ни особого интереса, ни настороженности. Он открыл документы и сразу пояснил, что проект договора подготовлен заранее как рабочая версия и не требует подписания на встрече.

— Вы вправе показать его своему представителю и предложить изменения, — произнёс Михаил Аркадьевич, передавая Светлане экземпляр. — Проверка службы безопасности займёт от пяти до десяти рабочих дней. До её завершения будет действовать ограниченный доступ к стратегическим материалам группы, не относящимся к программе.

Светлана начала читать договор с первой страницы. Она привыкла просматривать документы быстро, находя риски по структуре, формулировкам и тому, что юристы предпочитали прятать в приложениях.

Здесь должность называлась точно: «руководитель временной программы стабилизации многофункционального комплекса “Северный парк”». Далее шёл перечень полномочий, показатели, срок контракта, правила премирования и условия досрочного расторжения.

Сумма ежемесячного вознаграждения заставила Светлану остановиться. Она перечитала цифры дважды, затем перевела взгляд на премию, составлявшую ещё несколько месячных выплат при выполнении ключевых показателей.

За три месяца ей предлагали заработать больше, чем официально платили за год консультаций в компании Андрея. Деньги семьи были значительно крупнее, она никогда не испытывала нужды и после развода сохранила обеспеченную жизнь, но впервые перед ней находилась сумма, назначенная не за принадлежность к владельцу бизнеса, а за конкретную работу.

— Эта цифра окончательная? — спросила Светлана, коснувшись строки кончиком пальца.

— Базовая часть окончательная, — ответил Михаил Аркадьевич. — Премияльная зависит от показателей в приложении. Если часть целей будет изменена по решению исполнительного комитета, формула пересматривается пропорционально.

— Почему настолько высокая ставка для временного руководителя? — уточнила она.

— Потому что проект дорогой, сроки короткие, а риск репутационный, — произнёс Роман вместо юриста. — Я не собираюсь платить меньше только потому, что у вас нет красивой должности в прежней трудовой книжке.

Светлана снова опустила глаза к договору. В разделе обязанностей были перечислены аудит проекта, формирование единого графика, координация подрядчиков, переговоры с инвестиционным фондом, оценка рисков расторжения договоров аренды, контроль бюджета и создание системы регулярной отчётности.

Она читала каждую строку и вспоминала, как выполняла всё это прежде. Только тогда обязанности возникали в виде вечерних просьб Андрея, срочных звонков, семейных разговоров на кухне и фразы: «Свет, посмотри, пожалуйста, там опять никто не может договориться».

Никто не называл это программой стабилизации. Никто не назначал премию за сохранённого арендатора, не устанавливал лимит полномочий и не обещал, что итоговый отчёт останется под её именем.

В разделе конфиденциальности стояло отдельное положение: сотрудник не вправе использовать или передавать сведения прежних работодателей и связанных лиц, не находящиеся в открытом доступе. Светлана задержалась на формулировке и посмотрела на Михаила Аркадьевича.

— Я никогда не была полноценным руководителем в «Лавров Девелопмент», — сказала она. — Но имела доступ к внутренним материалам как консультант и супруга владельца. Мне нужен отдельный порядок, который защитит обе стороны от обвинений, будто я использую сведения Андрея.

Юрист кивнул, словно ожидал вопроса. Он достал из папки дополнительное приложение и положил рядом.

— Предлагаем вести журнал источников по решениям, способным пересекаться с интересами вашей бывшей компании, — объяснил Михаил Аркадьевич. — В спорных случаях материалы будут предварительно проверяться комплаенсом. Кроме того, вы подпишете заявление, что не передавали в «Вектор» документы «Лавров Девелопмент» и не обязуетесь это делать.

Светлана вспомнила старые презентации, которые вчера открывала на личном ноутбуке. Часть из них была создана дома, часть — на оборудовании компании, а граница между её работой и собственностью работодателя оказалась намного менее очевидной, чем ей хотелось.

— Мне потребуется консультация собственного юриста, — произнесла она. — Я сохранила личный архив проектов, где есть мои черновики и переписка. Не уверена, какие документы юридически принадлежат мне.

Роман обменялся коротким взглядом с директором юридического департамента. Михаил Аркадьевич не стал задавать уточняющие вопросы о содержании архива.

— До проверки ничего оттуда не используйте и не пересылайте, — посоветовал он. — Ваш представитель сможет связаться со мной напрямую. Лучше решить этот вопрос до начала работы.

Светлана поблагодарила и продолжила читать. В разделе досрочного расторжения компании имела право прекратить договор при утрате доверия, разглашении информации или существенном невыполнении показателей.

Формулировка «утрата доверия» была слишком широкой. Она подчеркнула её ручкой и сделала пометку на полях.

— Это нужно изменить, — сказала Светлана, поворачивая договор к юристу. — Если Роман Викторович решит, что я недостаточно лояльна лично ему, компания сможет расторгнуть контракт без объяснений.

— Трудовой договор всё равно может быть расторгнут только по основаниям закона, — ответил Михаил Аркадьевич. — Здесь речь о доступе к отдельным категориям информации и участии в программе.

— Тогда так и напишите, — возразила она. — Ограничение доступа при конкретных нарушениях. Слова о доверии превращают деловую процедуру в личную оценку.

Роман наблюдал за ней молча. Когда юрист согласился переработать пункт, Светлана перешла к приложению с полномочиями.

Там было сказано, что решения руководителя программы обязательны для проектной команды после согласования с куратором от исполнительного комитета. Куратором значился сам Роман Воронцов.

— Нет, — произнесла Светлана и провела линию под фразой. — Если каждое решение требует вашего согласования, руководителем программы будете вы, а я стану человеком, который готовит вам предложения.

Михаил Аркадьевич слегка повернулся к Роману. Тот не выглядел удивлённым, словно специально оставил формулировку, чтобы проверить, заметит ли её Светлана.

— Какой вариант вы предлагаете? — спросил он.

— Решения в пределах утверждённого бюджета и перечня полномочий принимаю я, — ответила Светлана. — Исполнительный комитет утверждает только превышение лимита, замену ключевых подрядчиков и кадровые решения выше определённого уровня. Вы вправе отменить моё решение, но отмена должна быть письменной и с указанием причин.

— Вы хотите заставить владельца компании письменно объясняться перед временным руководителем? — уточнил Роман, и в его голосе появилась едва заметная ирония.

— Я хочу, чтобы в конце проекта никто не сказал, будто неудачное решение принадлежало мне, если его навязали сверху, — пояснила она. — И чтобы вы не смогли представить удачный результат своим, если проигнорируете моё письменное возражение, а затем всё-таки воспользуетесь предложением.

Михаил Аркадьевич опустил взгляд к документам, скрывая реакцию. Роман же продолжал смотреть на Светлану, не улыбаясь.

— Андрей позволял вам требовать подобное? — спросил он.

— Андрей ничего не оформлял, — ответила она. — Именно поэтому я нахожусь здесь.

В кабинете снова установилась короткая тишина. Затем Роман взял ручку, зачеркнул фразу о согласовании с куратором и написал на полях несколько слов.

— Решения в пределах лимита принимаются руководителем программы самостоятельно, — произнёс он, передавая документ юристу. — Отмена исполнительным комитетом оформляется протоколом. Несогласие Светланы Игоревны прикладывается к протоколу без редактирования.

Михаил Аркадьевич кивнул и сделал пометку в собственном экземпляре. Светлана ожидала, что на этом спор закончится, но Роман жестом предложил ей продолжать.

Она нашла ещё один важный пункт в разделе итоговой оценки. Отчёт о результатах программы готовился руководителем, но утверждался куратором до передачи совету директоров.

— Это тоже нужно изменить, — сказала Светлана. — Мой итоговый отчёт должен поступить совету независимо от того, согласны вы с выводами или нет. Вы можете приложить собственное заключение, но не задерживать документ и не переписывать его.

— Вы заранее предполагаете конфликт? — спросил Михаил Аркадьевич.

— Я заранее предполагаю, что у владельца и временного руководителя могут различаться интересы, — ответила Светлана. — Если проект окажется хуже, чем ожидает совет, Роману Викторовичу будет выгодно смягчить формулировки. Если я ошибусь, мне будет выгодно переложить ответственность на прежнюю команду. Поэтому обе позиции должны быть видны.

Роман несколько секунд постукивал пальцем по столу. Затем повернулся к юристу и коротко кивнул.

— Добавьте обязанность секретаря совета зарегистрировать отчёт в день получения, — распорядился он. — Заключение исполнительного комитета идёт отдельным документом.

Светлана посмотрела на него внимательнее. Андрей соглашался с её предложениями, когда она находила правильную интонацию, выбирала подходящий момент и позволяла ему почувствовать решение собственным.

Роман принимал или отвергал аргументы напрямую. Это не делало его мягким, безопасным или удобным, но рядом с ним Светлане впервые не приходилось маскировать несогласие под заботливый совет.

— Остались вопросы? — спросил Роман, когда она дочитала приложение до конца.

— Много, — ответила Светлана, закрывая договор. — Мне нужны полный перечень доступных данных, структура проектной команды, последние отчёты подрядчика и протоколы совета за три месяца. Кроме того, я хочу встретиться с руководителями строительства, аренды, финансов и закупок до официального назначения.

— Это собеседование с их стороны или с вашей? — уточнил он.

— С обеих, — произнесла Светлана. — Мне нужно понять, с кем придётся работать. Им нужно увидеть, что я не являюсь вашей личной представительницей или бывшей женой конкурента, которой дали красивую должность ради рынка.

— Они всё равно будут так думать, — предупредил Роман. — По крайней мере первые недели.

— Тогда пусть увидят контракт и полномочия, — ответила она. — Мысли людей меняются медленнее документов, но без документов не меняются вообще.

Михаил Аркадьевич собрал помеченные страницы и сообщил, что новая версия будет готова к вечеру. Светлана ожидала, что ей предложат забрать проект, проконсультироваться и вернуться через несколько дней.

Роман, однако, достал из папки ещё один экземпляр — короткое соглашение о намерениях, где были зафиксированы основные условия, начало процедуры проверки и обязательство компании не предлагать должность другому кандидату в течение трёх рабочих дней.

— Это не трудовой договор, — пояснил юрист. — Соглашение подтверждает серьёзность переговоров и позволяет передать вам ограниченный пакет материалов для ознакомления под обязательство о конфиденциальности.

Светлана прочитала документ. В нём не было финансовых обязательств с её стороны, но подпись означала, что встреча перестаёт быть простой разведкой.

Она отложила ручку и посмотрела на Романа.

— Вы ещё не ответили на один вопрос, — сказала Светлана. — Что произойдёт, если Андрей позвонит вам и потребует отказаться от моего назначения?

— Ничего, — ответил Роман. — Я выслушаю его, если разговор покажется мне достаточно забавным.

— А если он пригрозит иском или обвинит меня в разглашении информации? — продолжила она.

— Юристы оценят конкретные претензии, — произнёс он. — Обвинения без доказательств не влияют на кадровые решения.

— Если из-за моего назначения пострадает другой проект «Вектора»? — спросила Светлана. — Андрей способен отказаться от сделки, лишь бы не дать вам использовать меня против него.

— Тогда я оценю цену сделки и цену отказа, — ответил Роман без колебаний. — Я не обещаю жертвовать бизнесом ради вашей новой карьеры. Но и увольнять вас только потому, что конкуренту неприятен ваш выбор, не стану.

Светлана кивнула. Это был не красивый ответ, который мог бы дать мужчина, желающий сразу произвести впечатление. Роман не обещал защищать её любой ценой и не изображал личную преданность человеку, которого знал меньше двух часов.

Он предлагал только правила, которые можно внести в договор, и собственную деловую оценку, которая могла измениться, если изменятся обстоятельства. Станным образом это вызывало больше доверия, чем самые тёплые заверения Андрея о том, что между мужем и женой документы не нужны.

— Ещё один вопрос, — произнесла Светлана и коснулась страницы с размером вознаграждения. — Почему вы готовы платить мне столько, если не знаете, справлюсь ли я в официальной роли?

— Потому что риск уже включён в трёхмесячный срок, — объяснил Роман. — Вы получите высокую оплату за сложную работу, а не гарантию пожизненной должности. Если справитесь, компания выиграет значительно больше. Если нет, цена ошибки останется ограниченной.

— А если я откажусь после трёх месяцев от постоянной позиции? — спросила она.

— Получите расчёт, итоговый отчёт под своим именем и право указать результаты в резюме, — ответил он. — Я не собираюсь объявлять ваш опыт собственностью «Вектора».

Светлана опустила взгляд на договор. Слова были деловыми, почти сухими, но именно в них находилось то, чего ей не хватало двадцать лет.

Право назвать сделанное своим.

Она взяла ручку и подписала соглашение о намерениях. Роспись получилась чуть крупнее обычного, потому что рука неожиданно дрогнула на первой букве фамилии.

Михаил Аркадьевич поставил подпись от имени компании и забрал один экземпляр. Роман не прикоснулся к документу, но его взгляд задержался на строке с её именем.

— Обновлённый договор получите сегодня до шести часов, — сообщил юрист, поднимаясь. — Контакты вашего представителя можете передать мне через Елизавету. После согласования подпишем электронно или в офисе.

Светлана тоже встала, однако Роман остался сидеть. Он открыл папку с её резюме, достал первый лист и положил рядом с соглашением.

— До начала работы перепишите это, — сказал он. — Не для отдела кадров, а для себя.

— Что именно вам не нравится? — спросила Светлана, хотя уже знала ответ.

— Вы пишете, что участвовали, сопровождали, содействовали и консультировали, — перечислил Роман. — Сегодня вы сказали: предложила, настояла, остановила, изменила, уволила. Вот эти слова и должны остаться.

— Некоторые решения официально принимал Андрей, — напомнила она.

— Тогда укажите вашу часть точно, — ответил Роман. — Разработала модель. Провела переговоры. Подготовила решение. Создала систему контроля. Не нужно красть чужое, чтобы перестать отдавать своё.

Светлана медленно взяла лист. На бумаге её осторожные формулировки действительно выглядели почти извинениями за желание претендовать на должность.

— Вы всегда разговариваете с кандидатами так, будто уже решили их уволить? — спросила она, убирая резюме в папку.

— Только с теми, кто слишком долго позволял другим говорить за себя, — ответил Роман и наконец поднялся. — Елизавета организует встречи с руководителями блоков завтра утром. После них сможете отказаться без объяснений.

— А вы сможете отказаться от меня? — уточнила Светлана.

— Смогу, — сказал он спокойно. — Если решу, что вам нужна не работа, а сцена для мести бывшему мужу.

— Тогда мы хотя бы одинаково осторожны, — заметила она.

— Нет, Светлана Игоревна, — возразил Роман, подходя к двери. — Вы осторожничаете, потому что боитесь снова оказаться использованной. Я — потому что не люблю платить за чужие семейные войны.

Он открыл дверь и пропустил её вперёд. Светлана вышла в приёмную, не найдя ответа, который не прозвучал бы либо слишком личным, либо слишком слабым.

Елизавета передала ей временную папку с общими материалами по «Северному парку» и уточнила удобное время завтрашних встреч. Светлана выбрала девять утра, хотя понимала, что согласие приехать снова уже почти равнозначно принятию предложения.

В лифте она открыла папку и снова посмотрела на лист с финансовыми условиями. Сумма не изменилась, но теперь казалась ещё более невероятной.

Вчера Андрей предложил написать ей рекомендацию о хорошем знании девелопмента и умении работать с людьми. Сегодня его главный конкурент положил перед ней договор, в котором антикризисное управление, переговоры, контроль бюджета и координация команды имели точную цену.

На подземной парковке Светлана долго сидела в машине, не включая двигатель. Она положила соглашение на соседнее сиденье и провела пальцами по собственной подписи.

В браке деньги никогда не были для неё проблемой. Она могла покупать дорогую одежду, путешествовать, оплачивать образование детей и не спрашивать Андрея о каждой крупной сумме.

Но всё это были деньги семьи, которой больше не существовало. Они доказывали благополучие брака, щедрость мужа и успешность компании, но ни разу не отвечали на вопрос, сколько стоит работа Светланы Лавровой.

Теперь ответ лежал перед ней на нескольких страницах. Он включал месячную ставку, премию, срок, полномочия, риски и право зафиксировать несогласие, если владелец компании попытается переписать её решение.

Светлана завела двигатель, однако не тронулась с места. Телефон в сумке коротко завибрировал, и на экране появилось сообщение от Андрея.

«Ты была у Воронцова? Мне уже позвонили два человека. Перезвони немедленно».

Светлана прочитала сообщение дважды. Раньше она бы сразу набрала номер, объяснила обстоятельства и попыталась убедить Андрея, что не совершает ничего против него.

Теперь она перевела телефон в беззвучный режим и положила рядом с договором. Потом открыла обновлённое резюме, нашла строку «участвовала в стабилизации проблемных проектов» и заменила первое слово.

«Разрабатывала и реализовывала программы стабилизации проблемных девелоперских проектов».

Фраза всё ещё требовала уточнений, цифр и доказательств, но впервые не прятала её за чужой подписью.

Светлана сохранила документ, убрала телефон в сумку и выехала с парковки. На пассажирском сиденье лежал первый договор, в котором её работа имела не семейную, не символическую и не благодарственную, а рыночную стоимость.

Глава 3. Жена конкурента

В первый рабочий понедельник Светлана приехала в «Вектор Девелопмент» за двадцать минут до назначенного времени и почти сразу поняла, что ранний приезд не поможет ей войти в компанию незаметно. В холле уже ждали двое сотрудников службы персонала, фотограф из внутреннего коммуникационного отдела и Елизавета Крылова, державшая в руках новый пропуск в прозрачном пластиковом футляре.

На карточке стояла должность: «Руководитель программы стабилизации МФК “Северный парк”». Под фамилией мелким шрифтом указывалось подразделение операционного развития, а в правом углу находилась фотография, сделанная в пятницу после подписания договора, на которой Светлана выглядела строже и спокойнее, чем чувствовала себя сейчас.

— Доброе утро, Светлана Игоревна, — поздоровалась Елизавета, протягивая пропуск. — Система доступа уже активирована, однако часть стратегических разделов останется закрытой до окончания проверки службы безопасности. Сегодня после вводного совещания вас ждут в проектном офисе, а в одиннадцать запланирован выезд на объект.

Светлана взяла карточку и на мгновение задержала взгляд на собственной должности. Всего несколько печатных слов делали то, чего не смогли двадцать лет устных договорённостей: обозначали, зачем она находится в этом здании и за что имеет право требовать от людей отчёты, сроки и объяснения.

— Фотограф обязателен? — спросила она, заметив молодого мужчину с камерой возле стеклянной стены. — Мне казалось, мы договорились не превращать назначение в демонстративный жест против Андрея.

— Фотографии новых руководителей размещаются на внутреннем портале и в системе контактов, — объяснила Елизавета, не выказывая раздражения. — Публичный пресс-релиз не готовится. Роман Викторович отдельно подтвердил коммуникационному отделу, что внешние комментарии по вашему назначению не требуются.

Светлана посмотрела на фотографа ещё раз и согласилась сделать несколько снимков. Она встала у нейтральной светлой стены, поправила жакет и выслушала просьбу чуть повернуть плечи, хотя вся процедура невольно напоминала подготовку портрета, которым собирались украсить сообщение о громком кадровом переходе.

Пока фотограф проверял кадры, возле турникетов остановились несколько сотрудников. Они не глазели открыто, но Светлана слишком долго работала с людьми, чтобы не замечать паузы в разговорах, быстрые взгляды и телефоны, которые внезапно оказывались особенно интересными именно в тот момент, когда она проходила мимо.

В лифте к ним присоединились две женщины из юридического отдела. Одна вежливо поздоровалась, вторая ограничилась коротким кивком, после чего обе замолчали, хотя до появления Светланы обсуждали какое-то заявление подрядчика.

На пятнадцатом этаже первая женщина вышла и, уже оказавшись в коридоре, произнесла чуть громче необходимого:

— Теперь хотя бы понятно, зачем служба безопасности в пятницу поднимала старые журналы доступа. С таким назначением лучше проверить всё дважды.

Двери закрылись раньше, чем Светлана успела увидеть реакцию её спутницы. Елизавета осталась невозмутимой, однако едва заметно поджала губы.

— Вам не обязательно реагировать на каждый комментарий, — сказала помощница, когда лифт снова двинулся вверх. — Через несколько дней сотрудники найдут другую тему для обсуждения.

— Они обсуждают не меня, а риск, который компания решила впустить через главный вход, — ответила Светлана, глядя на меняющиеся цифры этажей. — Было бы странно ожидать, что люди сразу обрадуются бывшей жене основного конкурента.

— Роман Викторович тоже так считает, — произнесла Елизавета и поправила папку под мышкой. — Именно поэтому он не собирается требовать от руководителей изображать доверие. Он потребует только соблюдать утверждённые полномочия.

Вводное совещание проходило не в кабинете Романа, а в большом зале исполнительного комитета. За овальным столом уже сидели руководители строительного, финансового, коммерческого и юридического блоков, директор по закупкам, представитель инвестиционного управления и начальник службы безопасности.

Светлана узнала нескольких человек по отраслевым мероприятиям. С финансовым директором Ириной Соколовой она дважды пересекалась на банковских конференциях, руководителя строительного блока Олега Мельникова видела на совещании по спорному земельному участку, а директор по закупкам Кирилл Егоров несколько лет назад работал в компании, которая поставляла оборудование для одного из объектов Андрея.

Никто не выглядел рад её появлению. Впрочем, открытой враждебности тоже не было: взрослые, дорого оплачиваемые руководители умели скрывать первое впечатление за деловыми лицами, аккуратно разложенными документами и короткими формальными приветствиями.

Роман вошёл последним, ровно в девять. Он не задержал на Светлане взгляд дольше, чем на остальных, занял место во главе стола и сразу открыл лежавшую перед ним папку.

— Коллеги, с сегодняшнего дня Светлана Игоревна Лаврова руководит временной программой стабилизации «Северного парка», — начал он без вступительной речи. — Срок программы составляет три месяца. Результаты будут оцениваться исполнительным комитетом и советом директоров по показателям, указанным в утверждённом приложении.

Он коротко перечислил полномочия Светланы: право запрашивать документы, привлекать сотрудников подразделений, созывать обязательные совещания и принимать операционные решения в пределах установленного лимита. Роман говорил сухо, почти юридическим языком, не упоминая ни её прежние проекты, ни многолетний опыт, ни причины, по которым выбрал именно её.

Светлана сначала испытала разочарование, хотя сама просила не превращать назначение в спектакль. Затем поняла, что эта сдержанность защищает её лучше, чем восторженная презентация: Роман не требовал от команды поверить в её исключительность, а только обозначал правила работы.

— Я не ожидаю от вас личного доверия к Светлане Игоревне, — продолжил он, обедая взглядом стол. — У части присутствующих есть обоснованные вопросы из-за её прежней связи с «Лавров Девелопмент». Эти вопросы будут рассматриваться службой безопасности и комплаенсом, а не обсуждаться в коридорах вместо выполнения задач.

Начальник службы безопасности, широкоплечий мужчина по имени Виктор Чернов, едва заметно кивнул. Ирина Соколова перелистнула страницу в блокноте, а Олег Мельников продолжал смотреть на Романа, не скрывая скепсиса.

— Операционные распоряжения руководителя программы в пределах её полномочий обязательны для проектной команды, — добавил Роман, положив ладонь на папку. — Попытка обойти Светлану Игоревну и получить иное решение через меня будет считаться нарушением утверждённой процедуры. Если вы не согласны с её распоряжением, фиксируйте возражение письменно и передавайте в исполнительный комитет.

Олег поднял руку не как сотрудник, просящий разрешения, а как руководитель, заранее предупреждающий, что вопрос всё равно будет задан. Роман коротко кивнул ему.

— Роман Викторович, строительный блок несёт ответственность за технический результат, — произнёс Мельников низким, слегка хриплым голосом. — Я хочу понимать, где заканчиваются полномочия руководителя программы и начинается зона профессиональных решений инженеров. Светлана Игоревна не работала ни техническим заказчиком, ни руководителем строительства.

Формулировка была корректной, но смысл читался ясно: жена конкурента не должна указывать строителям, как делать их работу. Несколько человек одновременно посмотрели на Светлану, ожидая, станет ли Роман отвечать за неё.

Она не позволила ему открыть рот.

— Я не собираюсь определять технологию монтажа, рассчитывать несущие конструкции или утверждать инженерные решения вместо ваших специалистов, Олег Владимирович, — ответила Светлана, повернувшись к Мельникову. — Моя зона начинается там, где технический риск влияет на сроки, бюджет, обязательства перед фондом и договоры с арендаторами. Если строительный блок сообщает один график, коммерческий обещает клиентам другой, а финансисты считают расходы по третьему, это уже не частная инженерная задача.

Олег слегка откинулся в кресле. Он не выглядел убеждённым, но, по крайней мере, получил ответ не от владельца.

— При условии, что операционные решения не будут приниматься без оценки технических последствий, возражений нет, — сказал он после небольшой паузы. — Только предупрежу сразу: на «Северном парке» нет простых проблем, которые можно решить правильным совещанием.

— Если бы проблемы решались одним совещанием, меня бы не нанимали на три месяца, — ответила Светлана и открыла свою папку. — Но если подразделения скрывают друг от друга данные, никакое техническое решение не спасёт проект.

Ирина Соколова подняла взгляд от блокнота. В её лице не было враждебности, однако профессиональная осторожность чувствовалась сильнее, чем у Олега.

— У финансового блока другой вопрос, — произнесла она, аккуратно сложив руки на столе. — В рамках программы Светлана Игоревна получит доступ к модели денежных потоков, банковским ковенантам и информации по инвестору. Часть этих сведений чувствительна не только для проекта, но и для группы. Каким образом будет разделён доступ?

— По принципу необходимой информации, — ответил Виктор Чернов, прежде чем Роман успел вмешаться. — Проектные материалы доступны в полном объёме, стратегические данные группы открываются отдельно по согласованию. Все действия фиксируются системой.

Ирина кивнула, но продолжила смотреть на Светлану.

— Я не ставлю под сомнение профессиональную этику нового руководителя, — добавила она с той вежливостью, которая обычно означала прямо противоположное. — Однако «Лавров Девелопмент» остаётся нашим конкурентом в нескольких проектах. Было бы наивно не учитывать риск непреднамеренного пересечения информации.

— Было бы наивно и оскорбительно требовать от вас забыть об этом риске, — ответила Светлана. — Поэтому я не прошу полного доступа ко всем данным группы. Мне нужны только сведения, необходимые для «Северного парка», и понятный письменный порядок расширения доступа, если появится такая необходимость.

Ирина едва заметно расслабила плечи. Вероятно, она ожидала, что Светлана потребует исключительных условий или возмутится самим предположением о возможной утечке.

Роман выслушал ещё несколько вопросов, после чего передал слово Светлане. Она не стала рассказывать о своей биографии и доказывать, что на самом деле стояла за успехами Андрея.

— Сегодня я не прошу вас верить, что назначение было правильным, — начала Светлана, положив ладони на стол. — Через три месяца у вас будут результаты, по которым это можно

оценить. До тех пор мне нужны не лояльность и не симпатия, а полные данные по проекту, соблюдение решений и готовность письменно отвечать за собственную часть работы.

Она объяснила, что в течение первых пяти дней проведёт аудит графика, договоров и системы отчётности. Каждое подразделение должно было предоставить не презентацию для совета, а рабочую версию данных с указанием допущений, рисков и расхождений.

— Если вы считаете, что срок уже невозможно выполнить, пишите это прямо, — продолжила Светлана, глядя поочерёдно на руководителей. — Не уменьшайте отставание, не переносите проблему в приложение и не подменяйте фактическую готовность процентом освоенного бюджета. Я не буду наказывать человека за плохую новость, но буду считать сознательным нарушением попытку скрыть её до момента, когда ничего нельзя изменить.

Олег Мельников обменялся взглядом с руководителем закупок. Светлана заметила это движение, но не стала спрашивать, что именно они уже не договорили совету.

Совещание завершилось через сорок минут. Роман не задержал Светлану и не спросил, как она оценивает реакцию команды, словно первый раунд внутреннего сопротивления был обычной частью рабочего дня.

Проектный офис «Северного парка» находился на том же этаже, но в другом крыле здания. Светлане выделили отдельный кабинет с прозрачной стеной, небольшим столом для совещаний и дверью, на которой пока висел временный бумажный лист с её фамилией.

Внутри её уже ждали руководитель проектного контроля Павел Громов, менеджер по аренде Алиса Фадеева и аналитик финансового блока Лев Сазонов. Все трое поднялись при её появлении, представились и сразу начали раскладывать на столе папки.

Павел выглядел уставшим ещё до начала разговора. Ему было около тридцати пяти, под глазами лежали тени, а на экране ноутбука одновременно были открыты несколько таблиц с графиками разных цветов.

— Здесь текущая версия мастер-графика, — сообщил он, разворачивая ноутбук к Светлане. — Красным отмечены критические работы, жёлтым — зоны риска, зелёным — выполненные этапы. По состоянию на пятницу отставание составляет двадцать три календарных дня.

— В отчёте предыдущего руководителя совету указаны восемнадцать рабочих дней, — заметила Светлана, открывая распечатку, которую получила от Романа. — Какая цифра верная?

Павел снял очки и протёр переносицу. Алиса отвела взгляд, а Лев занялся поиском чего-то в собственной таблице.

— Оба значения можно обосновать, — осторожно ответил Павел. — В мастер-графике есть резерв по внутренней отделке, поэтому фактическое влияние на дату открытия меньше календарного отставания отдельных работ.

— Я спросила, какая дата открытия достижима при текущем состоянии объекта, — уточнила Светлана. — Не какую цифру можно обосновать перед советом.

Павел снова надел очки и несколько секунд изучал график, будто надеялся найти там менее неприятный ответ.

— При сохранении нынешнего темпа фасадных работ первая очередь откроется минимум на пять недель позже, — признал он наконец. — Возможно, на шесть, если поставщик не подтвердит вторую партию конструкций.

Алиса резко повернулась к нему.

— Шесть недель никто не согласовывал, — произнесла она, сжимая ручку. — У нас в договорах с якорными арендаторами начинает действовать право на расторжение после тридцати календарных дней задержки.

— Я не говорил, что мы задержимся на шесть недель, — возразил Павел, сразу повысив голос. — Я сказал, что это возможный сценарий при сохранении нынешнего темпа.

— Вы в пятницу подтвердили коммерческому отделу открытие до пятнадцатого декабря, — напомнила Алиса. — На основании этого мы удерживаем аптечную сеть и подписываем дополнение с продуктовым оператором.

— Я подтвердил плановую дату при условии ускорения подрядчика, — ответил Павел и раздражённо постучал пальцем по таблице. — В письме это указано.

Светлана перевела взгляд с одного сотрудника на другого. Ей уже не требовалось искать системный кризис: он сидел за одним столом и разговаривал разными условными формулировками.

— Покажите письмо, — попросила она, обращаясь к Павлу. — И договоры, в которых коммерческий отдел обещает арендаторам дату открытия.

Алиса открыла свою папку быстрее. На первой странице дополнительного соглашения крупным шрифтом стояло обязательство обеспечить доступ арендатора к помещениям не позднее пятнадцатого декабря.

— Здесь нет условия об ускорении подрядчика, — заметила Светлана, пролистывая документ. — Компания приняла твёрдое обязательство.

— Потому что иначе сеть ушла бы ещё месяц назад, — пояснила Алиса, стараясь говорить спокойно. — У них уже был альтернативный объект. Предыдущий руководитель программы разрешил подтвердить дату.

— Устно или письменно? — спросила Светлана.

— У меня есть сообщение в корпоративном мессенджере, — ответила Алиса. — Он написал: «Подтверждай пятнадцатое, стройка вытянет».

Павел тихо выругался и отвернулся к окну. Судя по его реакции, он впервые увидел точную формулировку, на основании которой коммерческий отдел закрепил обязательство.

— Мне эту переписку не показывали, — произнёс он, возвращая взгляд к Алисе. — Я говорил только о возможном сценарии.

— А я не обязана читать мысли строительного блока, — возразила она. — Если руководитель программы пишет, что стройка вытянет, я использую это в переговорах.

Светлана подняла ладонь, останавливая спор. В прежней компании она много раз видела похожую картину: каждый участник говорил правду в пределах своего письма, своего отчёта и своей ответственности, а проект в целом жил на основании ложного обещания.

— С этого момента никакие даты, влияющие на арендаторов, финансирование и договорные штрафы, не подтверждаются без общего протокола, — сказала она, доставая чистый лист. — Строительный блок даёт фактический график без коммерческого оптимизма. Закупки подтверждают поставки документами. Коммерческий отдел перечисляет обязательства перед каждым арендатором. Финансы считают стоимость каждого сценария.

Павел нахмурился и покачал головой.

— Если мы будем ждать общего протокола по каждому письму, работа остановится, — возразил он. — На объекте решения принимаются каждый день.

— Технические решения продолжают приниматься каждый день, — пояснила Светлана. — Но дата открытия, обещанная клиенту или инвестору, не является техническим решением одного подразделения. Она принадлежит проекту целиком.

Лев Сазонов, до этого почти не участвовавший в споре, открыл новую таблицу.

— Тогда вам нужно знать ещё одну вещь, — произнёс он негромко. — Финансовая модель всё ещё считает выручку от аренды с января. Если открытие сдвигается на шесть недель, ковенант по покрытию процентов нарушается в первом квартале.

Алиса медленно опустила ручку. Павел посмотрел на Льва так, словно тот предал негласную договорённость не произносить определённые слова вслух.

— Банк знает о риске? — спросила Светлана.

— В официальной модели риск открытия позже пятнадцатого декабря не заложен, — признал Лев. — Финансовый директор знает, что график напряжённый, но пересчёт по шести-недельному отставанию ей не представляли.

— Почему? — Светлана задала вопрос без повышения голоса, но Лев всё равно заметно напрягся.

— Потому что это не утверждённый сценарий, — ответил он. — Предыдущий руководитель считал, что сначала нужно получить подтверждение от подрядчика, а уже потом пугать банк и фонд.

Светлана посмотрела на часы. До выезда на объект оставалось меньше получаса, но общая картина уже становилась понятной.

Строители считали задержку временной, пока не будет доказано обратное. Коммерческий отдел продавал оптимистичную дату, чтобы удержать клиентов. Финансисты продолжали считать утверждённую модель, потому что новая ещё не была официально признана. Каждый сохранял собственную управляемую реальность, а общий кризис оставался между таблицами.

— Сегодня к пяти часам мне нужны три сценария, — распорядилась Светлана, записывая задачи. — Базовый — с открытием по текущей официальной дате, реалистичный — с отставанием на пять недель, критический — с задержкой на восемь недель и уходом двух крупнейших арендаторов.

Лев быстро начал делать пометки. Павел, напротив, остался неподвижным.

— Вы хотите в первый день положить на стол фонда худший сценарий, который может вообще не наступить? — спросил он. — После этого инвестор начнёт требовать замены подрядчика и дополнительного капитала.

— Я хочу сначала положить его на наш стол, — ответила Светлана. — А потом решить, что именно мы сообщим фонду вместе с планом действий. Сейчас вы предлагаете не считать риск, потому что инвестор может испугаться его существования.

Олег Мельников ждал их у служебного входа. Он стоял возле чёрного микроавтобуса в каске, которую держал под мышкой, и разговаривал по телефону с руководителем объекта.

Когда Светлана подошла, он закончил звонок и протянул ей новый комплект средств защиты. На жилете ещё висела пластиковая бирка, а белая каска выглядела слишком чистой на фоне его потёртой серой.

— На площадке лучше не отходить от сопровождающего, — предупредил Олег, открывая дверь микроавтобуса. — Частично работают фасадчики, внутри идёт монтаж инженерных систем, поэтому маршруты меняются каждый день.

— Я не собираюсь ходить по объекту одна и давать рабочим указания, — ответила Светлана, занимая место у окна. — Мне нужно увидеть состояние работ и поговорить с руководителями подрядчика.

Олег сел напротив. В машине вместе с ними ехали Павел, представитель закупок Мария Корнеева и начальник участка от «Вектора».

Первые несколько минут все молчали. За окнами постепенно исчезали стеклянные башни делового центра, уступая место широким проспектам, складским зданиям и пустырям, где уже стояли рекламные щиты будущих жилых кварталов.

— Вы действительно не знали о шести неделях? — спросила Светлана у Олега, когда машина выехала на окружную дорогу. — Или считали, что это внутренний прогноз, который не стоит выносить за пределы строительного блока?

Олег не стал притворяться, будто не понимает вопроса.

— Я знал, что подрядчик допускает такой сценарий, — ответил он после паузы. — Но допускает не значит подтверждает. На стройке за неделю можно потерять месяц, а потом за две недели отыграть половину задержки, если поставить людей и обеспечить материалы.

— Люди и материалы есть? — уточнила Светлана.

— С людьми напряжённо, — признал Олег. — Генподрядчик обещает усиление бригад после завершения другого объекта. По фасаду поставщик подтвердил первую партию, вторую должен подтвердить завтра.

— Значит, ускорение зависит от рабочих, которые пока заняты в другом месте, и материалов, которых ещё нет, — подытожила она. — Почему это называется реалистичным планом, а шестинедельное отставание — неподтверждённым сценарием?

Олег сжал челюсть. Мария Корнеева опустила взгляд на планшет, будто внезапно решила проверить почту.

— Потому что если руководить стройкой только по подтверждённым худшим сценариям, ни один объект не будет завершён, — ответил Мельников. — Иногда подрядчика приходится заставить выполнить обещание, а не заранее вписывать его провал в официальный график.

— Я не предлагаю заранее признать поражение, — сказала Светлана. — Я предлагаю понимать цену каждого обещания. Если фонд принимает решение на основании даты, которая держится на чужом устном обещании привести рабочих, он должен хотя бы знать, насколько это обещание надёжно.

Олег отвернулся к окну. По его лицу было видно, что он считает подобную прозрачность красивой теорией человека, который ещё не отвечал за реальную строительную площадку.

«Северный парк» появился за поворотом неожиданно. Издалека комплекс выглядел почти завершённым: две высокие башни, длинный торговый корпус и многоуровневая парковка образовывали современную строгую композицию, которую уже можно было печатать на рекламных буклетах.

Только приблизившись, Светлана увидела пустые участки фасада, строительные подъёмы и открытые технические зоны. На одной из башен стеклянные панели были установлены до середины, выше оставался серый бетон, а вдоль торговой галереи тянулась полоса временного ограждения.

В штабе строительства пахло мокрой одеждой, дешёвым кофе и нагретой техникой. На стенах висели крупные планы этажей, графики, схемы движения транспорта и фотографии проблемных участков.

Генерального подрядчика представлял Николай Артамонов, плотный мужчина около пятидесяти лет с красным от холода лицом. Он пожал руку Олегу, кивнул остальным и задержал взгляд на Светлане.

— Светлана Игоревна, значит, теперь у нас новый руководитель программы, — произнёс Артамонов с заметной осторожностью. — Поздравляю с назначением. О вашей компании мы много слышали.

— Теперь моя компания — «Вектор Девелопмент», — ответила Светлана, надевая каску. — А слышали вы, вероятно, не о компании, а о моём бывшем муже.

Николай усмехнулся, но продолжать тему не стал. Он развернул на столе план и начал рассказывать о ходе работ.

По его версии, проект находился под контролем. Основные конструкции были готовы, инженерные сети монтировались, фасад отставал, но поставщик обещал увеличить объём. Недосток рабочих Николай называл временным перераспределением ресурсов.

— Сколько человек сегодня работает на объекте? — спросила Светлана, пока он показывал цветные зоны на плане.

— Около шестисот, если считать субподрядчиков, — ответил Артамонов. — Число меняется по сменам.

— Мне нужна точная численность за последние четыре недели по дням и видам работ, — сказала Светлана. — Не заявленная в плане мобилизации, а фактически прошедшая через систему доступа.

Николай посмотрел на Олега. Тот сохранил нейтральное выражение лица.

— Такие данные есть у службы контроля, — ответил подрядчик. — Но они не всегда отражают реальность. Человек может пройти на объект и работать на другом участке.

— Тогда добавьте данные табелей и закрытых нарядов, — предложила Светлана. — Если три источника расходятся, мы хотя бы увидим масштаб расхождения.

Артамонов уже не улыбался.

— В первый день вы хотите провести аудит рабочих? — спросил он. — Сейчас важнее не считать людей, а не мешать им работать.

— Если заявлено шестьсот человек, а фактически на критических работах занята половина, ожидание ускорения не имеет основания, — ответила Светлана. — Мне нужно не доказать, что подрядчик лжёт, а понять, существует ли ресурс для выполнения обещанного графика.

Олег внимательно посмотрел на неё. В его взгляде впервые появилось не только раздражение, но и профессиональный интерес.

Осмотр занял почти два часа. Светлана не задавала инженерам вопросов, на которые не могла понять ответ, и не пыталась изображать знание строительных терминов.

Она спрашивала, от чего зависит следующий этап, кто подтвердил поставку, где записано обязательство и что произойдёт, если одна из предпосылок не выполнится. На каждом участке выяснялось, что формально график существует, но его критические точки опираются на условия, принадлежащие разным подразделениям.

Фасадчики ждали вторую партию конструкций. Поставщик утверждал, что отгрузка состоится через десять дней, однако договор позволял перенос при задержке оплаты сырья.

Закупки уверяли, что аванс перечислен. Финансисты поясняли, что платёж проведён только за первую партию, а второй транш должен быть подтверждён после банковской гарантии.

Внутри торговой галереи Светлана увидела несколько десятков рабочих и длинные участки, где никто не работал. Николай объяснил, что основные бригады заняты на инженерных сетях, но начальник участка признался: часть людей действительно перебросили на другой объект подрядчика.

— На какой срок? — спросила Светлана, остановившись возле незакрытого проёма, за которым виднелся внутренний двор.

— По плану до конца недели, — ответил начальник участка, бросив быстрый взгляд на Николая. — Но тот объект тоже отстаёт, поэтому могут задержать.

— Их возвращение закреплено дополнительным соглашением? — уточнила Светлана.

— Это внутреннее распределение ресурсов генерального подрядчика, — вмешался Артамонов. — Заказчик не управляет нашими рабочими напрямую.

— Я не собираюсь управлять вашими людьми, — сказала Светлана, поправляя каску. — Я хочу понять, на чём основано обещание увеличить темп. Если на свободном решении подрядчика вернуть бригады, так и запишем: ускорение зависит от решения подрядчика, не обеспеченного обязательством.

Николай посмотрел на Олега почти с возмущением.

— Мы двадцать лет работаем на рынке и не нуждаемся в формулировках, которые выставляют нас потенциальными нарушителями, — произнёс он. — У нас есть репутация.

— Репутация объясняет, почему с вами заключили договор, — ответила Светлана. — Она не заменяет график на объекте, который уже опаздывает.

На обратном пути Олег долго молчал. Светлана ожидала, что он обвинит её в излишней жёсткости перед подрядчиком, но Мельников заговорил только тогда, когда микроавтобус выехал на шоссе.

— Артамонов теперь будет считать, что мы готовим претензию и ищем основания снять его с проекта, — сказал он, положив каску на соседнее сиденье. — Это осложнит переговоры по усилению бригад.

— Если его сотрудничество зависит от того, задаём ли мы вопросы о фактической численности рабочих, переговоры уже осложнены, — ответила Светлана. — Но я не предлагаю его снимать. Сначала нужно увидеть данные.

— Вы понимаете, что замена генподрядчика сейчас отбросит проект ещё на несколько месяцев? — спросил Олег.

— Поэтому я ни разу не сказала слово «замена», — напомнила она. — Вы слышите угрозу там, где я прошу зафиксировать реальность.

Олег провёл ладонью по лицу и откинулся на спинку сиденья.

— Роман Викторович любит зафиксированную реальность, пока она помогает принимать жёсткие решения, — произнёс он. — Когда плохая цифра попадает в протокол, назад её уже не убрать. Фонд потребует план, совет спросит виновных, а подрядчик начнёт защищаться вместо работы.

— А если цифру не фиксировать, плохая реальность исчезнет? — спросила Светлана. — Или только доживёт до момента, когда план уже ничего не изменит?

Олег посмотрел на неё прямо. В его лице по-прежнему не было симпатии, но презрительная уверенность человека, заранее решившего, что перед ним декоративная руководительница, стала менее заметной.

— Посмотрим, что вы предложите после цифр, — ответил он. — Найти расхождения проще, чем собрать рабочий план.

— С этим я не спорю, — сказала Светлана. — Именно поэтому сегодня мы только начинаем.

В офис они вернулись после двух часов. На столе Светланы уже лежали распечатки, а электронная почта заполнилась сообщениями от подразделений, которые одновременно отправляли данные, поясняли ограничения и просили уточнить, насколько срочно требуется информация.

Она не пошла обедать. Елизавета прислала сообщение, что в холодильнике проектного офиса есть готовые блюда, но Светлана только выпила кофе и начала сопоставлять графики.

Через час стало ясно, что у «Северного парка» нет единого календаря. Строительный блок пользовался детальным графиком подрядчика, проектный контроль — сокращённой версией для исполнительного комитета, коммерческий отдел — таблицей доступности помещений, а финансы — моделью денежных потоков с отдельными датами начала аренды.

Ни один документ не был полностью ложным. Каждый отражал определённую часть реальности, но даты переходили из одной таблицы в другую без указания условий.

Светлана вызвала Павла, Алису, Льва, представителя закупок и Олега на четырёхчасовое совещание. Она попросила принести ноутбуки и исходные документы, запретив готовить новые презентации.

Когда все собрались, на большом экране появился пустой лист с пятью колонками: риск, фактическое состояние, предпосылка, ответственный и влияние на проект.

— Это не отчёт для совета и не документ для поиска виноватых, — сказала Светлана, вставая возле экрана. — До завтрашнего вечера мы должны составить единую карту рисков. В неё попадёт всё, что способно сдвинуть сроки, увеличить бюджет или привести к расторжению договоров.

Олег посмотрел на пустую таблицу и скептически усмехнулся.

— Вы хотите свести стройку, аренду и финансы к одному листу? — спросил он. — Половина связей не поместится в такую форму.

— Тогда добавим строки и приложения, — ответила Светлана. — Но в каждой строке должно быть понятно, какое событие зависит от какого условия. Сейчас у нас фраза «открытие пятнадцатого декабря» одновременно означает обещание арендатору, надежду строителей и основу банковской модели.

Первым внесли фасадные конструкции. Мария Корнеева сообщила, что поставщик подтвердил изготовление первой партии, но по второй не предоставил банковскую гарантию.

— Почему гарантия задерживается? — спросила Светлана.

— Поставщик меняет обслуживающий банк, — ответила Мария. — По его словам, процедура займёт ещё неделю.

— Финансовое состояние проверяли? — уточнила Ирина Соколова, присоединившаяся к совещанию по видеосвязи.

Мария замялась.

— Формально обязательных оснований для внеплановой проверки не было, — ответила она. — Просрочки по нашему договору пока нет.

— А по другим заказчикам? — спросила Светлана.

— Есть две арбитражные претензии, но суммы небольшие, — произнесла Мария. — Я отправлю материалы.

Олег раздражённо постучал ручкой по столу.

— Давайте не будем заранее хоронить поставщика из-за смены банка и двух исков, — сказал он. — Он уже изготовил большую часть конструкций.

— Никто его не хоронит, — ответила Светлана. — В карту вносим риск задержки второй партии, отсутствие гарантии и возможные финансовые трудности. Рядом — резервные поставщики, срок переключения и стоимость.

— Резервного поставщика нет, — признала Мария. — Конструкции изготовлены по индивидуальной системе. Другому производителю потребуется минимум два месяца на подготовку.

В комнате стало тише. На экране первая строка уже содержала риск, способный разрушить весь обещанный график.

Следующим разобрали рабочих подрядчика. Данные системы доступа показали, что за последние три недели фактическая численность сократилась почти на двадцать процентов, хотя в отчётах подрядчик сохранял плановый состав бригад.

Николай Артамонов объяснял разницу отпусками, заменами и неполной регистрацией субподрядчиков. Олег согласился, что цифры требуют проверки, но продолжал настаивать: сам по себе вход через турникет не показывает производительность.

— Поэтому мы не делаем окончательный вывод, — сказала Светлана. — Но если людей меньше, а объём работ не увеличивается, обещание ускорить темп нуждается в подтверждении.

Постепенно таблица заполнялась. В ней появились задержка согласования пожарной автоматики, риск расторжения договора с аптечной сетью, возможное нарушение банковского ковенанта, нехватка парковочных мест для первой очереди и несогласованные требования будущего продуктового оператора.

Сотрудники сначала отвечали сдержанно, стараясь ограничить риск пределами собственного подразделения. Затем начали видеть связи и спорить уже не о виноватых, а о последствиях.

Алиса выяснила, что обещанная дата передачи помещений зависела от завершения фасада и ввода инженерных систем. Лев показал, что уход аптечной сети сам по себе не разрушает финансовую модель, но вместе с задержкой продуктового оператора создаёт кассовый разрыв.

Олег признал, что ускорение подрядчика невозможно без увеличения аванса. Ирина Соколова сразу предупредила, что дополнительный аванс ухудшит позицию компании перед банком и потребует гарантии фонда.

Через два часа на экране находилась не идеальная модель, а неприятная, местами противоречивая картина проекта. Светлана смотрела на неё с чувством, которое трудно было назвать удовлетворением: они не решили ни одной проблемы, но впервые перестали обсуждать четыре разные версии одного объекта.

— Завтра утром каждая строка должна получить владельца и срок следующего решения, — сказала она, закрывая ноутбук. — Не ответственного за существование проблемы, а человека, который обязан подготовить действие.

— А что мы покажем фонду в четверг? — спросила Ирина. — По текущей карте реальное отставание значительно больше последнего официального отчёта.

Светлана посмотрела на Олега. Он сидел, скрестив руки, и явно ждал её ответа.

— Покажем уточнённый график и план, который успеем подготовить, — ответила она. — Не все внутренние допущения и не необработанный список страхов, но инвестор должен знать реальный диапазон задержки.

Олег медленно покачал головой.

— Если мы назовём пять-шесть недель до того, как подрядчик окончательно подтвердит усиление, фонд потребует резервный бюджет, — возразил он. — Это может запустить пересмотр финансирования. Я предлагаю дожидаться конца недели.

— В четверг фонд всё равно спросит, почему независимая проверка обнаружила восемь недель по отдельным работам, — сказала Светлана. — Если мы снова покажем восемнадцать дней, не объяснив риски, это будет уже не ошибка прежнего руководителя, а наше сознательное решение.

— Мы можем показать тридцать дней и программу ускорения, — предложил Олег. — Это честный рабочий диапазон, если подрядчик вернёт бригады.

— Он подтвердил возвращение? — спросила Светлана.

— Устно, — ответил Мельников после короткой паузы. — Завтра должно быть письмо.

— Значит, завтра вернёмся к диапазону, — решила она. — Но я не буду подписывать отчёт, где оптимистичная дата представлена как единственная реальная.

Олег ничего не ответил. Совещание завершилось уже после семи, но большинство участников не разошлись сразу: Павел и Лев остались у экрана, обсуждая, как связать график с финансовой моделью, а Алиса попросила Марию показать данные по поставке фасада.

Светлана вернулась в кабинет и впервые за день позволила себе снять туфли. Ноги болели после обхода объекта, голова гудела от таблиц, а на телефоне накопилось несколько пропущенных звонков, среди которых два были от Полины и один — от неизвестного номера.

Она решила сначала проверить почту. Входящих писем оказалось больше сотни, но часть была автоматическими уведомлениями о предоставленном доступе к папкам проекта.

Светлана открыла корпоративный портал и увидела раздел «Северный парк». Внутри находились графики, договоры, протоколы, финансовые модели и отчёты подрядчика.

Она начала проверять структуру, чтобы понять, какие материалы доступны команде. Среди папок «Строительство», «Аренда», «Финансы» и «Закупки» находился раздел «Инвестиционные проекты группы», который явно не относился к её программе.

Светлана решила, что ссылка появилась по ошибке, и нажала на неё только для проверки прав доступа. Система открыла список файлов.

Названия касались приобретения земельных участков, переговоров с банками и одного проекта реконструкции гостиницы. Один документ назывался «Стратегия участия. Мануфактура. Предварительно».

Светлана остановила курсор над строкой. Инвестиционный конкурс по старой мануфактуре ещё не был объявлен официально, но рынок давно обсуждал будущую реконструкцию, и Андрей тоже проявлял интерес к объекту.

Доступ к такому файлу не мог быть необходим для «Северного парка». Если бы Светлана открыла документ, позже никто не поверил бы, что она сделала это случайно.

Она закрыла папку и написала в службу поддержки: «В моём профиле доступен раздел “Инвестиционные проекты группы”, не относящийся к программе “Северный парк”. Прошу проверить корректность прав и подтвердить, какие материалы разрешены для просмотра».

Через минуту система показала, что сообщение принято. Ещё через пять минут позвонил начальник службы безопасности.

— Светлана Игоревна, добрый вечер, Виктор Чернов, — представился он, хотя они виделись утром. — Вы сообщили о лишнем разделе. Правильно понимаю, что файлы внутри не открывали?

— Открыла страницу со списком, чтобы убедиться, что доступ действительно работает, — ответила Светлана. — Отдельные документы не просматривала и не скачивала. В журнале это должно быть видно.

— Видно, — подтвердил Виктор. — Спасибо, что сообщили. Доступ сейчас закроем.

Его голос оставался нейтральным, но Светлане показалось, что вопрос прозвучал слишком быстро, словно Чернов уже ждал её звонка.

— Это была техническая ошибка? — спросила она.

— Права настраиваются по шаблонам, иногда в профиль попадают лишние разделы, — ответил начальник безопасности. — Мы разберёмся.

— Виктор Сергеевич, — произнесла Светлана, глядя на закрытый портал, — вы проверяли, открою ли я документ, который может заинтересовать компанию моего бывшего мужа?

На другом конце линии наступила пауза. Чернов не стал сразу отрицать предположение, и этого оказалось достаточно.

— Я предлагаю обсудить порядок проверки с Романом Викторовичем, — сказал он наконец. — Со своей стороны могу подтвердить, что никаких последствий для вас нет. Вы действовали корректно.

— Последствия будут зависеть не от того, прошла ли я проверку, а от того, кто решил проводить её скрытно, — ответила Светлана. — Передайте Роману Викторовичу, что я поднимусь к нему через десять минут.

Чернов попытался сказать, что председатель совета ещё находится на встрече, но Светлана уже завершила разговор. Она надела туфли, закрыла ноутбук и вышла из кабинета.

К этому времени большинство сотрудников покинули этаж. В коридоре горел приглушённый вечерний свет, за стеклянными перегородками оставались только несколько человек, разговаривавших по телефону или заканчивавших отчёты.

Когда Светлана подошла к лифту, из переговорной вышел Олег Мельников. Он держал пиджак на руке и выглядел не менее уставшим, чем она.

— Вы ещё не закончили первый день? — спросил он, нажимая кнопку вызова. — Обычно новые руководители хотя бы первую неделю стараются уходить раньше полуночи, чтобы не напугать команду.

— Поднимаюсь к Роману Викторовичу, — ответила Светлана. — Нужно уточнить некоторые правила взаимодействия.

Олег усмехнулся, но без прежней откровенной колкости.

— Уже решили обойти исполнительный комитет через владельца? — спросил он. — Утром нам объяснили, что это нарушение процедуры.

— Я обсуждаю не проектное решение, — сказала Светлана. — Служба безопасности оставила мне доступ к лишним стратегическим материалам и смотрела, стану ли я их открывать.

Олег перестал улыбаться. Лифт прибыл, они вошли внутрь, и несколько секунд он молча смотрел на закрывающиеся двери.

— Это стандартная проверка для людей с повышенным риском, — произнёс Мельников. — Мне тоже подкладывали файл с ограниченным доступом, когда назначали руководителем блока.

— Вам заранее сообщили, что в первые дни возможны тесты соблюдения доступа? — спросила Светлана.

— Нет, — признал он. — Но я догадывался.

— Я тоже догадалась, — ответила она. — Это не делает процедуру прозрачной.

Олег нажал кнопку своего этажа. Перед выходом он повернулся к Светлане.

— Не рассчитывайте, что Воронцов будет извиняться, — предупредил он. — Он считает доверие результатом проверки, а не вежливым условием начала работы.

— Я не требую доверия, — сказала Светлана. — Я требую понимать правила, по которым меня проверяют.

Мельников задержал на ней взгляд и кивнул, словно впервые услышал позицию, с которой мог не соглашаться, но которую нельзя было назвать капризом.

Приёмная Романа была почти пустой. Елизавета сидела за столом и просматривала документы, а дверь кабинета оставалась закрытой.

— Светлана Игоревна, Роман Викторович заканчивает разговор с фондом, — сообщила она, поднимаясь. — Виктор Сергеевич уже предупредил о ситуации. Подождёте несколько минут?

— Подожду, — ответила Светлана и не стала садиться. — Только не говорите, пожалуйста, что это была случайная техническая ошибка. Я уже услышала эту версию.

Елизавета внимательно посмотрела на неё, затем закрыла документ на экране.

— Я не участвую в проверках службы безопасности, — сказала она. — Но знаю, что порядок применяется не только к вам. Роман Викторович утвердил процедуру несколько лет назад после утечки данных по земельному аукциону.

— Значит, он считает допустимым проверять человека скрытым соблазном, — произнесла Светлана. — Даже если человек ещё не знает точных границ доступа.

— Он считает допустимым проверять, как новый руководитель ведёт себя при неожиданном открывшемся доступе, — уточнила Елизавета. — Это не обязательно одно и то же.

Дверь кабинета открылась. Из неё вышли Ирина Соколова и двое незнакомых мужчин, которые продолжали обсуждать банковские гарантии.

Роман проводил их до приёмной, попрощался и только после этого посмотрел на Светлану. По выражению её лица он сразу понял, что разговор будет не о результатах первого дня.

— Заходите, — сказал он, открывая дверь. — Елизавета, перенесите следующий звонок на двадцать минут.

Светлана вошла и не стала ждать приглашения сесть. Она положила на стол пропуск, хотя сама ещё не понимала, зачем это сделала.

— В моём доступе оказался документ по инвестиционному проекту, не связанному с «Северным парком», — начала она. — Служба безопасности отслеживала, открою ли я его.

Роман закрыл дверь и подошёл к столу. Он не выглядел удивлённым или виноватым.

— Да, — подтвердил он. — В первые дни для руководителей с доступом к чувствительной информации проводится проверка соблюдения принципа необходимого доступа.

— В договоре не было написано, что компания станет намеренно открывать мне лишние разделы, — сказала Светлана. — На собеседовании вы говорили об ограниченном доступе и стандартной проверке, но не объяснили её методы.

— Если заранее сообщить конкретный метод, проверка потеряет смысл, — ответил Роман. — Важно увидеть поведение человека, когда он считает, что за ним не наблюдают.

— Вы считаете меня потенциальным шпионом, — произнесла Светлана. — И решили проверить, не открою ли я документ, который мог бы заинтересовать Андрея.

— Я считаю, что ваша связь с крупнейшим конкурентом создаёт объективный риск, — ответил Роман. — Было бы безответственно игнорировать его только потому, что на собеседовании вы произвели хорошее впечатление.

— Я не прошу игнорировать риск, — возразила Светлана. — Я сама согласилась на ограничения, журнал источников и проверку материалов. Но между контролем доступа и скрытой провокацией есть разница.

— Вы называете провокацией файл, который не просили открывать, — заметил Роман. — Он находился за пределами вашей зоны задач. Вы увидели ошибочный доступ и сообщили. Именно так должен действовать руководитель.

— А если бы я открыла его, чтобы понять, почему он появился в моей папке? — спросила Светлана. — Вы бы решили, что я собиралась передать сведения бывшему мужу?

— Служба безопасности запросила бы объяснение и оценила дальнейшие действия, — ответил Роман. — Один просмотр не привёл бы к автоматическому увольнению.

— Но остался бы в моём деле как повод для подозрения, — сказала она. — При этом я не знала, что каждый лишний документ является экзаменом.

Роман медленно обошёл стол и сел. Светлана осталась стоять, потому что не хотела превращать разговор в спокойное обсуждение внутренней политики.

— Что именно вы предлагаете? — спросил он. — Отменить проверки для новых руководителей?

— Нет, — ответила Светлана. — Предупреждать, что в период проверки возможен контроль соблюдения доступа, описывать сроки и последствия. Человек не обязан знать конкретный файл, но должен понимать, по каким правилам его оценивают.

— Тогда недобросовестный сотрудник просто будет осторожнее первые недели, — возразил Роман. — А после завершения проверки начнёт действовать иначе.

— Недобросовестный сотрудник и сейчас может быть осторожнее, если обладает минимальным умом, — сказала Светлана. — Такая проверка ловит не шпионов, а людей, которые нажали на любопытный файл.

Роман посмотрел на неё внимательнее. Его лицо оставалось спокойным, но Светлана заметила, как напряглась линия челюсти.

— Вы прошли проверку, — произнёс он. — Не понимаю, почему это воспринимается как оскорбление.

— Потому что дело не в результате, — ответила она. — Вы снова решили, что вправе установить скрытые правила, а я должна быть благодарна, если случайно им соответствую.

— Снова? — переспросил Роман.

Светлана поняла, что слово выдало больше личного, чем она хотела, но отступить было поздно.

— Двадцать лет Андрей считал, что между нами действуют понятные семейные правила, — пояснила она. — Только они были понятны ему. Я думала, что компания общая, а он думал, что моя работа естественно принадлежит владельцу. Теперь вы говорите, что проверка стандартная, следовательно, я должна принять её без вопросов.

— Не сравнивайте внутреннюю безопасность компании с браком, — сказал Роман жёстче. — Я не присваиваю вашу работу и не требую личной преданности.

— Тогда дайте мне правила в письменном виде, — потребовала Светлана. — Перечень ограничений, срок проверки, порядок расширения доступа и последствия нарушений. Без формулировок об утрате доверия и без сюрпризов, которые потом можно трактовать как угодно.

Роман несколько секунд молчал. Светлана видела, что он не привык, когда сотрудник в первый день не только спорит с внутренней процедурой, но и требует изменить её под угрозой собственного ухода.

— Проверка службы безопасности продлится десять рабочих дней, — сказал он наконец. — До её завершения вам открыт полный доступ по «Северному парку» и закрыты остальные инвестиционные проекты. Любое расширение оформляется заявкой с указанием цели.

— Это должно быть не устным объяснением после проверки, а документом до неё, — напомнила Светлана. — И не только для меня. Если процедура стандартная, закрепите её для всех новых руководителей.

Роман медленно провёл пальцами по столу. Затем нажал кнопку внутренней связи.

— Елизавета, пригласите Виктора Чернова и Михаила Сергеева, — распорядился он. — Сегодня подготовьте уведомление о режиме доступа на период проверки. Сроки, категории материалов, порядок сообщения об ошибочно открытых разделах и последствия нарушений.

Голос помощницы подтвердил поручение. Роман отключил связь и снова посмотрел на Светлану.

— Конкретные методы контроля в документ не войдут, — сказал он. — Служба безопасности сохранит право проверять соблюдение правил.

— Если сами правила известны, меня это устраивает, — ответила она. — Я не требую сообщать, где стоит камера. Я требую знать, что помещение находится под наблюдением.

Он взял со стола её пропуск и протянул обратно. Светлана не сразу поняла, что оставила карточку перед ним почти как заявление об увольнении.

— Я не буду извиняться за проверку, — произнёс Роман. — Считаю её обоснованной. Но вы правы в одном: сотрудник должен заранее понимать границы доступа и срок усиленного контроля.

Светлана забрала пропуск, но не прикрепила его к жакету.

— Я и не просила прощения, — сказала она. — Мне нужны были правила, а не сочувствие.

— Сегодня вы несколько раз сказали людям то, что им не понравилось, — заметил Роман, откидываясь в кресле. — Как прошёл аудит?

Вопрос прозвучал так неожиданно буднично, что Светлана на мгновение растерялась. Она ожидала продолжения спора, а Роман уже считал его завершённым после принятого решения.

— Хуже, чем в официальном отчёте, но лучше, чем могло быть, — ответила она, наконец садясь напротив. — Проблема не только в подрядчике. У проекта нет единого графика, которому доверяют все подразделения. Коммерческий отдел обещает пятнадцатое декабря, строительный считает возможным отставание на пять-шесть недель, а финансовая модель не учитывает задержку вообще.

— Олег уже звонил мне, — сообщил Роман. — Просил разрешить не показывать фонду полный диапазон отставания до конца недели.

Светлана почувствовала, как усталость мгновенно уступила место раздражению.

— Вы что ему ответили? — спросила она.

— Что решение принимает руководитель программы, — произнёс Роман. — Он пытался объяснить, что вы создадите панику раньше времени. Я повторил, что не являюсь обходным путём для отмены ваших распоряжений.

Она посмотрела на него, пытаясь понять, не рассказывает ли он это специально, чтобы сгладить неприятный разговор о проверке. В лице Романа не было ни самодовольства, ни ожидания благодарности.

— Я не собираюсь показывать фонду сырую карту рисков, — пояснила Светлана. — Но скрывать реальный диапазон после независимой проверки нельзя. До четверга подготовим три сценария и план действий.

— Если фонд потребует дополнительного капитала, совет спросит, почему проблема не была выявлена раньше, — предупредил Роман. — Предыдущий руководитель уже не сможет ответить за всё.

— Тогда отвечать придётся тем, кто продолжал принимать его отчёты без проверки, — сказала она. — Включая вас.

На губах Романа появилась короткая, почти незаметная улыбка.

— Именно поэтому ваш итоговый отчёт поступит совету без моего редактирования, — напомнил он. — Начинаете пользоваться первым условием договора раньше, чем я ожидал.

— Вы сами настояли, чтобы я перестала писать «участвовала» и начала называть собственные решения, — ответила Светлана. — Придётся терпеть последствия.

В кабинет вошли Виктор Чернов и Михаил Сергеев. Обсуждение процедуры заняло ещё почти полчаса, но в итоге юрист зафиксировал основные положения: срок проверки, доступные категории документов, порядок уведомления об ошибках и право сотрудника получить письменное объяснение ограничения доступа.

Начальник безопасности соглашался неохотно. Он несколько раз повторил, что слишком подробные правила упростят обход системы, однако Светлана добилась главного: проверка переставала быть неограниченным скрытым испытанием, результат которого можно трактовать задним числом.

Когда они закончили, за окнами уже было темно. Светлана вышла из кабинета Романа почти в девять и только в лифте вспомнила, что ничего не ела с утра, кроме бутерброда, принесённого Алисой во время совещания.

На парковке телефон снова начал вибрировать. На экране появилось имя Андрея.

За день он звонил уже четыре раза и прислал несколько сообщений, последнее из которых состояло всего из двух слов: «Это срочно».

Светлана села в машину, закрыла дверь и несколько секунд смотрела на экран. После вчерашнего сообщения она так и не перезвонила, потому что не хотела обсуждать свой контракт до первого рабочего дня.

Теперь избежать разговора всё равно не удалось бы. Она провела пальцем по экрану и приняла вызов.

— Добрый вечер, Андрей, — сказала Светлана, включая громкую связь. — Я была на работе и не могла разговаривать.

— На работе, — повторил он с коротким недоверчивым смешком. — Значит, это правда. Ты действительно подписала контракт с Воронцовым.

Его голос звучал тише обычного, но Светлана слишком хорошо знала эту интонацию. Андрей не повышал голос, когда был по-настоящему зол: он начинал говорить подчёркнуто спокойно, словно собеседник уже совершил очевидную глупость и теперь оставалось только выяснить её масштаб.

— Да, я руковожу временной программой стабилизации одного из проектов «Вектора», — ответила она. — Контракт рассчитан на три месяца.

— Ты могла хотя бы предупредить меня до того, как рынок начнёт звонить и спрашивать, с каких пор моя бывшая жена работает у главного конкурента, — произнёс Андрей. — Или именно в этом и был смысл? Чтобы я узнал последним?

— Я не обязана согласовывать с тобой работодателя, — сказала Светлана, положив руки на руль. — Наш развод завершён, из компании я ушла, обязательства по передаче дел выполнила.

— Не делай вид, что это обычный работодатель, — возразил он. — В стране десятки девелоперских компаний, но ты выбрала Воронцова. Человека, который двадцать лет пытался получить доступ к моим проектам.

— Он предложил мне руководящую работу, — ответила Светлана. — Остальные предлагали стать помощником или координатором при очередном владельце.

— Потому что у тебя нет опыта самостоятельного руководства, — сказал Андрей, и в голосе впервые прозвучало раздражение. — Воронцов нанял тебя не из-за резюме. Ему нужны знания о моей компании, контрактах и людях.

Светлана закрыла глаза. Всего несколько часов назад Олег и Ирина сомневались почти в том же, но их вопросы были профессиональным риском. Уверенность Андрея звучала иначе: он даже не допускал мысли, что конкурент мог увидеть в ней самостоятельную ценность.

— Сегодня меня проверяли именно на то, стану ли я открывать материалы, не относящиеся к моей работе, — сказала она. — «Вектор» ограничил доступ и зафиксировал, что я не передаю сведения бывшего работодателя. Они относятся к риску серьезнее, чем ты.

— Ты уже рассказываешь мне о внутренних процедурах Воронцова, — заметил Андрей с холодной насмешкой. — Очень убедительное начало.

— Я рассказываю о собственной проверке, а не о его проектах, — ответила Светлана. — Не пытайся подменить разговор.

На другом конце линии послышался тяжёлый выдох. Андрей, вероятно, ходил по кабинету, как делал всегда во время неприятных звонков.

— Света, ты не понимаешь, во что ввязалась, — произнёс он уже мягче. — Воронцов использует людей, пока они выгодны. Сейчас ему нужно унижить меня и показать рынку, что даже жена Лаврова перешла на его сторону. Когда эффект закончится, он избавится от тебя.

— Возможно, — сказала Светлана. — Но до этого он заплатит мне за конкретную работу, даст полномочия и оставит отчёт под моим именем.

Андрей замолчал. Она почти физически почувствовала, как её слова задели его сильнее любого прямого обвинения.

— Значит, всё-таки месть, — произнёс он после паузы. — Ты решила доказать, что я тебе недоплачивал.

— Я решила работать там, где мои обязанности оформлены договором, — ответила Светлана. — Это не месть, Андрей. Хотя понимаю, почему для тебя сама мысль о цене моей работы выглядит нападением.

— Не говори со мной этими лозунгами, — резко сказал он. — Ты прекрасно жила за счёт компании и получила при разводе больше, чем большинство людей зарабатывают за всю жизнь.

— Мы уже обсуждали разницу между семейными деньгами и профессиональной оплатой, — напомнила Светлана. — Я не собираюсь повторять этот разговор каждый раз, когда тебе не нравится мой выбор.

Андрей снова выдохнул, но теперь в звуке было меньше гнева и больше усталости.

— Тогда обсудим не деньги, а документы, — произнёс он. — Наши юристы проверили, какие материалы ты забрала перед уходом. В архиве есть внутренние презентации, списки подричков, шаблоны финансовых расчётов и переписка по проектам.

Светлана почувствовала, как внутри всё сжалось. Она вспоминала старые файлы, которые открывала дома, и слова юриста «Вектора» о необходимости определить принадлежность архива.

— Там есть мои черновики и личная переписка, — ответила она осторожно. — Я уже связалась с юристом, чтобы отделить личные материалы от корпоративных. Ничего из архива в «Вектор» не передавала.

— Неважно, кому ты успела или не успела передать, — сказал Андрей. — Часть документов принадлежит компании, и ты не имела права их копировать.

— Я создавала многие из них на собственном компьютере ещё до того, как была официально оформлена, — возразила Светлана. — Вопрос не такой простой, как тебе хочется.

— Юристы считают иначе, — произнёс он. — Завтра ты получишь официальную претензию. Мы потребуем вернуть носители, удалить копии и подтвердить, что материалы не использовались в интересах «Вектора».

Светлана смотрела сквозь лобовое стекло на бетонную стену парковки. Первый рабочий день ещё не успел закончиться, а Андрей уже переводил их личный конфликт в юридическую плоскость.

— Ты действительно собираешься судиться со мной из-за презентаций, которые я сама писала? — спросила она.

— Я собираюсь защищать компанию, которую строил двадцать лет, — ответил Андрей. — И если ты решила отнести мой опыт главному конкуренту, я остановлю это законным способом.

Светлана медленно сжала руль. Он снова произнёс «мой опыт» так естественно, словно не заметил, что именно подтверждает всё, от чего она пыталась уйти.

— Присылай претензию, — сказала она после паузы. — Мой юрист ответит.

— Света, не усложняй, — попросил Андрей, неожиданно сменив тон. — Увольсья сейчас, верни документы, и мы решим всё между собой. Я готов помочь тебе найти достойное место, но не у Воронцова.

— Ты предлагаешь мне работу, которую сам сочтёшь достойной, и только там, где мой опыт не угрожает тебе, — произнесла Светлана. — Именно поэтому мы больше не можем решать всё между собой.

Она завершила звонок прежде, чем Андрей успел ответить. Телефон сразу завибрировал снова, но Светлана перевела его в беззвучный режим и положила на соседнее сиденье.

На груди всё ещё висел пропуск «Вектор Девелопмент». Под её именем была указана должность, которую Андрей не считал соответствующей её опыту, а его главный конкурент пока не считал заслуживающей полного доверия.

Светлана оказалась между двумя мужчинами, каждый из которых видел в её переходе часть собственной войны. Один был уверен, что она уносит принадлежащие ему знания, другой проверял, не станет ли она передавать чужие секреты.

Но сегодня на «Северном парке» она впервые собрала за одним столом людей, которые годами жили в разных версиях одного проекта. Она не решила кризис, не спасла объект и не убедила команду в своём праве руководить, однако заставила проблему обрести общую форму, где ни один отдел больше не мог спрятать риск в чужой таблице.

Этого было недостаточно для победы, но достаточно для первого дня.

Светлана завела двигатель и медленно выехала с парковки. Завтра ей предстояло разбираться не только с отставанием, подрядчиком и финансовой моделью, но и с официальной претензией компании, которой она отдала почти двадцать лет жизни.

Впервые Андрей собирался письменно объяснить, какие именно созданные Светланой документы он считает своей собственностью.

Глава 4. Чужая собственность

Официальная претензия пришла во вторник в девять часов двенадцать минут, когда Светлана стояла перед экраном в проектном офисе и слушала, как Олег Мельников объясняет расхождение между фактической численностью рабочих и отчётами генерального подрядчика. Письмо появилось в правом нижнем углу ноутбука коротким уведомлением, но отправитель сразу заставил её потерять нить разговора: юридическая компания «Барсов, Лапшин и партнёры», представлявшая интересы «Лавров Девелопмент».

Светлана не открыла вложение сразу. Она выключила уведомления, попросила Олега продолжать и заставила себя сосредоточиться на таблице, где по дням были сопоставлены данные проходной, табели субподрядчиков и фактически закрытые объёмы работ.

За последн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.